

Константин Кокорев

Православные знакомства

Часть 1. Катя

Глава 1. Вечерняя молитва

Телефон завибрировал в заднем кармане брюк, по телу Кати прошла приятная дрожь. Стало жутко интересно, кто ей написал. Но в данной ситуации проверить было невозможно.

Папа читал вечернюю молитву. Вся семья собралась в зале, около иконостаса, у каждого в руках мелькала, потрескивая, свечка. Отец в подряснике, с золотым крестом на шее — известный в епархии протоиерей, автор нескольких серьезных трудов по Догматическому богословию, долгое время преподавал в семинарии, но вот уже пятнадцать лет как переехал в Осотовку и восстанавливал старинный деревенский храм.

Жили они в большом, на восемь комнат, приходском доме. Кате все равно приходилось делить свою комнату с одной из сестер. Детей у отца Романа было, как и комнат — восемь.

«Помилуй мя, Творче мой Владыко, унылаго и недостойного раба Твоего», — папа бормотал молитву. Володя откровенно зевал, смачно выдыхая, от чего пламя его свечки трепетало, в ужасе пытаюсь спастись от неминуемого затухания. Лера прислонилась головой к стенке и разглядывала босые пальчики на своих ногах. Рома, Роман Романович, самый старший из детей, ковырял в носу, аккуратно, чтобы не заметила мама. Настенька, самая младшая из детей, тихонько сосала мамину сиську. Все были заняты делом.

Катя аккуратно приподняла наспех напяленную поверх брюк юбку и залезла в карман. Её четвертый Айфон, подаренный на четырнадцатый день рождения, снова подмигнул — пришло ещё одно сообщение «В контакте». Аккуратно, держа телефон на уровне пупка, Катя сняла блокировку и открыла сообщение. Егор Коркин. Два новых сообщения. Опять этот православный идиот. Она уже хотела снова спрятать телефон назад в карман, но любопытство взяло верх, и она открыла переписку.

«Эх, жалко что ты в деревне. Я бы пригласил тебя в кафе. У нас тут такое классное постное меню. Я после занятий постоянно захожу. Может быть, ты всё-таки

приезжаешь в город? Хоть иногда? Или папа не отпускает?» Первое. И второе: «Ничего, вот пост закончится, я сам к тебе приеду в гости, можно?»

«Неужели этому маменькину сынку хватило смелости пригласить её на свидание?!» — Катя хмыкнула, получилось слишком громко. В её сторону повернулись сразу трое. Роман Романович, Лера. И мама. Катя вздрогнула, свеча в руке дёрнулась, и огромная восковая капля шлёпнулась прямо на середину экрана.

— Чёрт, - Катя выругалась одними губами, беззвучно. Мама поднесла палец к губам, а затем погрозила этим же пальцем. Если папа услышит, не дай Бог, отвлечется или повернется – нотаций потом не избежать. А то, тьфу-тьфу-тьфу, и ремня. Катя быстрым движением убрала телефон назад в задний карман, не издав больше ни единого слова.

С Егором Катя начала переписываться несколько месяцев назад. Вышло все нелепо, и никогда этот молодой человек не воспринимался Катей всерьез. Началось все с того, что мама увидела, как Катя обнимается с Витькой, одноклассником. Ничего серьезного, они просто тусили в одной компании. Конечно, Витька наглый, он периодически говорил какие-нибудь пошлые вещи, хватал девчонок за попу, за талию, даже пытался поцеловать, но дальше этого никогда не заходило. Витьку никто всерьез не воспринимал. И вот, где-то в конце декабря мама заехала за Катей на машине в школу и увидела, как она с друзьями стояла на лестничной площадке. Слава Богу, покурить они успели перед этим, за школой, возле мастерской. Иначе, конечно, все закончилось бы намного хуже. Но и эти заигрывания маме явно не понравились.

Разговор она начала, только когда машина отъехала от школы, и друзья скрылись из виду:

— Я смотрю, ты уже с мальчиками тесно общаешься?

— Маам, ну прекрати, - Катя покраснела, - ничего не было. Ты же видела. Это же просто Витька.

— Видела, - кивнула мама. Она немного помолчала, а затем продолжила: - Я понимаю, что ты уже девочка взрослая. И... Как бы это правильно сказать... Сложная. У тебя переходный возраст. Но и ты пойми. Ты дочка священника. И тебе нельзя вести себя вот так. Ты должна быть примером. Не дай Бог что случись... Ну, в ваших отношениях... Если ты хочешь потом выйти замуж за священника... Семинариста... Будущего священника... Тебе нельзя терять девственность с каким-то Витей. Ты должна блюсти себя.

— Мам, прекрати, ничего не было. Я же сказала, - Катя успокоилась и начала злиться. От напоминания о том, что она поповская дочка, Катю аж передернуло. Сколько раз она мечтала забыть об этом. Стать самой обычной девочкой. Как её подруги, как Валя, как Таня. Никому ничего не должна. Никто над ней не подсмеивается...

Мама замолчала и больше в тот день не возвращалась к этой теме. Еще до вечера Катя побаивалась, что она расскажет всё папе. Но мама поступила по-другому. На следующий вечер она пришла к Кате в комнату, когда девочка уже ложилась спать, и присела на край кровати.

— У меня идея, - мама умела говорить только по делу, без лишних прелюдий, - раз уж ты начала... Начала общение с мальчиками.

— Мам, я не хочу об этом! – Катя попыталась спрятаться под одеяла. Но мама невозмутимо продолжила:

— Я тут тебя «В контакте» в одну группу пригласила. Зайди, посмотри. Понимаю, что ты еще совсем юная... Но лучше уж так. Спокойной ночи, - она наклонилась и поцеловала Катю в щечку. Та обняла маму за шею и пожелала спокойных снов в ответ. За телефоном она встала с кровати только когда мама вышла из комнаты и отошла на достаточно большое расстояние. Улеглась обратно в кровать, накрылась одеялом с головой – чтобы Лена, младшая сестра, зайдя в комнату, ничего бы не заметила. И открыла приложение «В контакте». Правда, одно уведомление. От мамы. Приглашение в группу «Православные знакомства».

— Ох ты ж, Боже ж мой, — протянула девочка. Еще одна идиотская выдумка. Куда сейчас только не присобачивают слово «православный»: православный хлеб, православный сыр, православная семья, православные, православные, православные. Как будто гетто какое-то. Вот есть нормальные люди, а есть эти идиоты, православные. Вроде бы мы не против, чтобы они существовали. Показываем в новостях, как православные праздники отмечают, как кушают, о чем думают. Но пусть носят опознавательный знак – длинные юбки и постные мины – чтобы все издалека видели и обходили их стороной.

Меньше всего Кате хотелось православия. Но слово «знакомства» взяло свое, и она вступила в группу. Полистала стену. «Мне тридцать восемь лет, не пьющий, двое детей от первого брака. Ищу православную женщину для создания семьи». И какая-то убогая фотография в спортивных штанах на фоне покосившегося сарая.

кем знакомиться, если что. Не уверена, что у нас что-то получится. Я не очень-то хорошо к верующим отношусь. Но давай попробуем». Егор ответил минут через двадцать. И его сообщение окончательно вывело Катю из себя. «А почему не любишь верующих? Ты же православная. Ты ходишь в храм? Давно верующая?»

Идиот, ну что за идиот? Ну кто такие сообщения девушке пишет? Разве так знакомятся? Разве так флиртуют?! «Давай-ка с тобой прям так по православному познакомимся, детка». «Мммм, мне нравится твой крестик». И что это за гоповские замашки в конце: «Слыыышь, ты чо, не верующая? Крестик носишь? Не? А если найду?» Короче, надо прекращать этот идиотизм.

Прошло уже четыре месяца, к концу подходил великий пост, а переписка с Егором не прекращалась. Катя часто плевалась, подшучивала про себя над молодым человеком. Периодами он казался ей глупым, периодами — излишне наивным. Но переписка, надо отдать должное, была очень даже интересной. Они обсуждали «Преступление и наказание», которое Катя только-только прошла по школьной программе, говорили о семинарских предметах, присылали друг другу любимые композиции ДДТ и Алисы. И вот, на пике всего этого идиотизма, Катя заработала огромное восковое пятно на экран телефона.

Молитва закончилась, все потушили свечи, папа перекрестил детей, благословил, и все разошлись по своим спальням. Заканчивался понедельник последней недели поста, Страстной недели. В воскресенье уже ожидалась Пасха. Пасха, которую дети ждали с огромным нетерпением.

— Спокойной ночи, — Лена быстро сняла с себя платье и окунулась в ночную рубашку.

— Спокойной ночи и тебе, — пробормотала Катя. Но раздеваться не стала. Спать она не собиралась. Она ждала. Минут через двадцать в окно тихо-тихо постучали. Так тихо, что если бы Катя не ждала этого стука, она бы и не услышала.

Лена, которая уже начала засыпать, встрепенулась.

— Что, опять? — пробормотала она. В глазах читалась настороженность и осуждение.

— Опять, — передразнила Катя. — Скажешь маме — убью.

Она быстро накинула кофту поверх футболки, залезла на стол и открыла окно. В комнату дхнул свежий весенний воздух. Катя перекинула ноги через подоконник и сползла вниз, на улицу, где её уже ждали друзья.

— Ну что, святая Екатерина, успела помолиться, можно идти? — Витька был в своем репертуаре. Катя привыкла и пропустила его ремарку мимо ушей.

Одноклассники собирались небольшой группой, человек шесть-семь почти каждый вечер на спортивной площадке. Пили пиво, курили и болтали. Катя пиво пила редко — только после того, как причастилась в храме. Если папа и чувствовал запах спирта, он думал, что это от кагора. Подобные ограничения тоже частенько становились шутками для Витьки. Но на этот раз он не выронил ни одной колкости целых два часа. Катя хохотала, курила, ей было так хорошо, что она забыла и о телефоне, и об отце, и о том, что не сделала домашнее задание по русскому на завтра. Очнулась она только в три часа ночи.

— Ох, мне уже пора. А то, не дай Бог, заметят, что меня нет.

Витька поднял на нее охмелевшие глаза и ухмыльнулся:

— Опа, Катя про Бога вспомнила. Ну, ты что! Темно же. Пока темно, Бог ничего не видит, не боись. Айда сососемся. Я, знаешь, как умею сосаться. Тебе понравится.

— Ой, ладно тебе врать, — Вера заступилась за подругу, — сосалась я с тобой, ты ж первый замялся. Языком только мелешь. А сам слабак.

— Эй, эй. Помягче. Я, может быть, просто не хотел. Я, может, только о Катке и мечтаю.

— Иди, проспись, мечтает он, — Катка усмехнулась и дала Витьке подзатыльник.

— Ну вот, обижают! Поцелуй меня, м? Или Боженька не разрешает?

Катя наклонилась к Витьке, провела указательным пальцем по его носу. И тихим, почти томным голосом процедила:

— О, я, знаешь, как умею целоваться. С языком. Да. Но ты этого никогда не почувствуешь. Сори.

Затем она резко развернулась и направилась к дому.

— Всем пока, — уже на выходе из школьного двора крикнула она и помахала рукой.

— Пока, любовь моя.

Витька. Громче всех остальных. Снова придуривается. Катя довольно улыбнулась, опустила руки в задние карманы джинс и наткнулась на телефон.

— Чёрт, пятно это восковое. Надо будет одеколоном протереть, — Катя достала телефон и, не сбавляя шага, вышла «В контакт». Егор, несмотря на поздний час, был онлайн. Странно, но почему-то сердце забилось чаще. Роман Романович после Пасхи поедет в семинарию, на день открытых дверей. Он в этом году поступает. Катя напросилась с ним, якобы посмотреть на регентское отделение. На самом деле она уже давно решила, что поступит в госуниверситет на химический факультет. Но родителям пока ничего не говорила. Они бы не поняли.

«Привет. Ты чего не спишь? Я не очень-то выездная. Но после Пасхи собираюсь приехать. Так что жди. Увидимся».

Глава 2. Озеро

В зале развернулась настоящая битва. Посреди комнаты стояли мама и Катя. Мама, с перепуганным взглядом, следит за действиями отца, при этом поддерживая дочь за руку. Катя, чуть покрасневшая, руки сжаты в кулаки, зубы плотно стиснуты, глаза красные. Кажется, она вот-вот взорвется. Сама того не понимая, сейчас они с отцом очень похожи. Тот в подряснике, борода чуть растрепана, но на груди висит наградной крест с драгоценными камушками – подарок архиерея. Отец только вернулся с отпевания матери директора местной птицефабрики.

— Даже слышать ничего не хочу. Этот вопрос мы больше не обсуждаем! – отец грохнул кулаком, наградной крест звякнул, ударившись об угол стола, и крутанулся на цепочке.

— Я. Никуда. Не поеду, — Катя старается сдержать свой гнев, но выходит не очень. Еще пару слов, и она даст волю чувствам. Отец находится примерно в том же состоянии.

— Мать, забери ее отсюда. Пока дело грехом не закончилось. Она прямо издевается. Все дети как дети, а в эту как бес вселился. Ох, избаловали тебя слишком. Мало тебя пороли, мало.

Мама молча кивает и берет Катю за руку. Пытается увести из комнаты, но, похоже, девочку уже не остановить.

— А что ты ко мне в третьем лице, а? Боишься напрямую обратиться? В кого еще бес вселился, это посмотреть надо. Крест красивый надел, бороду отрастил, бабки ему руки целуют. А ума не нажил. И теперь чтобы компенсировать свою глупость, еще и детей своих в дураках выставляешь!

Мама успела только ойкнуть. После она не раз пыталась воспроизвести эти события в памяти, размышляла, как могла бы избежать трагедии. Ей даже казалось, что можно было бы что-то исправить. Но на самом деле события развивались слишком стремительно. И то, что она замерла, не было ни трусостью, ни слабоволием. Отец размахнулся и влепил дочери пощечину. Раздался смачный шлепок. Катя резко замолчала, согнулась, ухватившись за правую щеку. Но тут же подняла глаза на отца и процедила:

— Ненавижу тебя, понял? Проклинаю тебя! – с этими словами она развернулась и выбежала из комнаты.

В коридоре стояла гробовая тишина – дети попрятались по комнатам и с ужасом слушали происходящий конфликт между Катей и отцом. Такого жуткого непослушания в доме отца Романа еще не было. Конечно, все знали характер Кати, но таких слов не ожидал никто. Девочка пробежала по коридору, вылетела из дома на улицу, отбежала несколько метров и только там позволила себе остановиться и разрыдаться. Катя присела на корточки и обхватила голову руками. Правая щека пульсировала от боли, но даже не это было самым страшным. Самое страшное было в том, что у нее ничего не получилось. Все планы, все надежды и мечты рухнули в один миг.

К этому разговору девочка готовилась очень долго. Больше года. Еще год назад, после окончания десятого класса, когда она с братом ездила в семинарию, Катя уже твердо решила, что не хочет быть попадшей. Ее также не прельщала идея учиться на регентском отделении и потом всю жизнь управлять церковным хором. Петь она умела хорошо и пела с мамой на богослужениях. Уже тогда, год назад, она была уверена, что поступит в госуниверситет на химический факультет.

В год, когда Катя перешла в седьмой класс, в их деревенскую школу устроилась новая преподавательница химии, Мария Игоревна. Молодая, симпатичная девушка, она разительно отличалась от всех остальных учителей школы. И проработала всего полтора года — она окончила аспирантуру, защитила кандидатскую и уехала преподавать в университет. Но за эти полтора года они с Катей стали если не подругами, то очень близкими людьми. Именно Мария Игоревна настаивала на том, чтобы Катя поступила на ее факультет. И к одиннадцатому классу Катя была готова. Она окончила школу, готовилась этим летом сдавать ЕГЭ по математике и химии. Со своей стороны она сделала все возможное, чтобы осуществить мечту. Но намного страшнее ЕГЭ был разговор с отцом.

То, что отец вот так легко не даст согласие, она даже не сомневалась. Именно поэтому не торопилась с разговором. Подготовка шла целый год. То за обедом она с упоением рассказывала папе, как на уроках Марии Игоревны они выращивали кристаллы. То подбрасывала вместо закладки в папин молитвослов рекламный проспект государственного университета. Чаще всего папа просто игнорировал дочь, воспринимая все ее попытки лишь как детские шалости, но бывали моменты, когда он внимательно выслушивал девочку и даже благодушно отзывался, например, о ее увлечении химией. О ее оценках. Но все это, конечно, утонуло в последнем разговоре, который начался этим теплым майским вечером, всего через несколько дней, как отзвенел последний звонок.

Когда папа возвращался с отпевания, ему позвонил отец Ермоген, ректор Духовной семинарии, а по совместительству крестный отец Кати. Папа, зайдя в дом, подозвал дочь и радостно сообщил:

— Ну что, я тут обо всем договорился. Считай, ты уже учишься в семинарии, на регентском отделении. Осталась формальность – летом ЕГЭ и пулей в город. Отец Ермоген уже ждет не дожждется. Ему там как раз в храме Петра и Павла певчие нужны. Так что сразу же при деле будешь. Комнату тебе подберет, обещал, самую лучшую.

Катя сотню раз проигрывала этот разговор у себя в голове. Представляла, как себя будет вести отец, что она скажет в ответ на ту или иную реплику. Но все это разом вылетело из головы, когда реальный разговор вот так, внезапно, майским вечером, на нее свалился.

— Пап, я не хочу поступать в семинарию. Я поступлю в государственный университет. На химический факультет.

Дальше разговор напоминал пассажирский самолет. Который сначала убирает трап, затем медленно-медленно катится по летному полю, набирает скорость и, в конце концов, все заканчивается взлетом, точнее вылетом Кати из дома. Все подготовленные доводы тонули как в болоте. То, что поступит Катя на бюджет и отцу не придется платить, что она ни в коем случае не оставит церковь и даже готова по выходным петь в храме, проскальзывало мимо ушей отца, а дочь и слышать не хотела про духовные скрепы, преемственность и место православной женщины в обществе.

Наконец Катя поднялась с колен и, утирая предательские слезы, которые не хотели прекращаться, подвывая от обиды и боли, быстрым шагом направилась по улице, как можно дальше от дома. Почти всю ночь шел дождь и, несмотря на то, что днем светило солнце, дороги до конца еще не высохли. Легкие светлые туфельки Кати стали

черными, несколько раз Катя поскользнулась, несколько раз чуть не упала, но темп не сбавила. Одна мысль о том, что ее может догнать мать или кто-то из братьев, попытаться вернуть в дом, заставляла ускориться. Лишь отойдя на приличное расстояние, Катя решила для себя, куда пойдет. На озеро. В их любимое тайное место с друзьями. Место, где она не раз чувствовала себя свободной.

Дом священника находился на центральной улице, рядом с церковью, недалеко от железнодорожной станции – можно сказать, в элитном районе деревни. Озеро же располагалось на окраине. С каждым годом озеро все больше начинало напоминать болото: воды в нем оставалось все меньше, а камыша и водорослей все больше, но до сих пор подросткам удавалось купаться в этой воде, несмотря на то, что сюда же, только с другой стороны, пастухи приводили коров на водопой. Тайное место находилось и в стороне от водопоя, и в стороне от места, куда ходили купаться деревенские. Еще в том году на этом тайном месте была вода, но теперь она ушла, оголив небольшой кусок песчаного дна, закрытого от лишних глаз холмом. Там можно было тихонько посидеть и подумать.

Уже подходя к воде, Катя наконец сняла туфли, полные грязной жижи, и закатала джинсы до колен. Она по щиколотку зашла в воду, наклонилась и начала умываться. Слезы отступили, вместо них пришел какой-то ступор. Девочка вышла из воды и прислонилась к огромному дубу, который удержал своими корнями холм от полного уничтожения водой. Она залезла под огромный корень и достала оттуда пакет, заклеенный изолентой. В мае озеро часто разливалось, и была опасность, что вода дойдет до корней дерева, а значит, содержимое пакета может уплыть или намочнуть. Катя оборвала изоленту и извлекла сокровища на свет Божий – три пачки сигарет, начатая бутылка «Столичной» водки и наполовину выпитая полторалитровая пластиковая бутылка «Буратино». На запивон. Все, что осталось от празднования Последнего звонка.

Катя уселась на песок и прямо из горла сделала глоток водки. Секунду подержала мерзкий, теплый напиток на языке, сглотнула. По горлу до желудка разошлось тепло. Девочка быстрым, привычным движением закрыла бутылку водки и схватила «Буратино» — запить неприятный привкус. Господи, как же весело им было тут два дня назад. Лёвка с Ирккой всю ночь целовались, отвлекаясь только на то, чтобы выпить за компанию, Макс к утру полез купаться, его с трудом удержали, слишком уж он был пьян. Зато Витек, несмотря на то, что выпил больше всех, вел себя вполне адекватно. А вот здесь, чуть в стороне, Катя делились с подругой планами на будущее. Они договорились, что непременно обе поступят в ВУЗ, что обязательно встретятся в

городе. Катя радостно рассказывала, что папа непременно поможет ей устроиться на работу в храм певчей, и что с первой зарплаты она обязательно пригласит подружку в ночной клуб, где они будут танцевать всю ночь. Девочки обменялись кулончиками и заверили друг друга, что их дружба навек.

Но вместо улыбки эти воспоминания снова вызвали приступ истеричных рыданий. Теперь все это осталось в прошлом, мечтам, похоже, не суждено было сбыться. Да как вообще она могла быть такой наивной? Как могла даже предположить, что отец отпустит ее? Эта проклятая система, эти духовные скрепы – конечно, для кого-то подходил такой образ жизни. Например, младшая сестра, Ленка, обязательно станет хорошей матушкой, родит мужу восемь детей и будет пасти коров. У нее на лбу написано, что это предел ее мечтаний. Но только не для Кати.

— Ну разве можно, разве так можно? Разве можно выдумать для всех людей единый стандартный макет поведения? Святость... Какая же это святость? Это клонирование какое-то. Напьяль платочек, нарожай детей и целуй мужу ручки после благословения. К черту! – Катя сделала еще глоток «Столичной» из горла, но на этот раз даже не запила лимонадом. Вместо этого она достала пачку сигарет, открыла, зубами подцепила сигарету, выковыряла специально припасенную зажигалку и затянулась. Обычно алкоголь расслаблял, помогал отвлечься, забыть о проблемах. Но на этот раз все получалось наоборот. Чем больше девочка пила, тем глобальнее и, главное, несовместимыми с жизнью, казались проблемы.

Когда Катя поднялась на ноги, в бутылке оказалось грамм двести сорокоградусной жидкости, а солнце скрылось за горизонтом. Девочка, пошатываясь, подошла к кромке воды. Все это время она плакала. Слез уже не осталось, но она продолжала всхлипывать. Ругая отца, ругая Бога, ругая судьбу. Представляя себе картины своего безрадостного будущего.

— К черту. К черту такую жизнь. Не хочу так больше. Не хочу, – Катя зашла по колено в воду, наклонилась умыться, но не удержалась на ногах и упала лицом в воду, больно ударившись коленкой о камень. Она села на дно, обхватив коленки руками, а из глаз снова хлынули слезы.

— Ну почемуууу? Почему оно вот так? Почему я не могу быть... Быть нормальной, просто быть... Быть как все? Господи, разве я много прошу? Разве это... Я не хочу больше так. Не хочу больше так жить. Не хочу. Жить. Утонуть. Хочу. Утонуть... Будут знать. Не хотят живую дочь, получают мертвую.

Катя резко поднялась на ноги. Глаза, полные слез, сужены, зубы плотно сведены. И, чуть пошатываясь, направилась вглубь. Когда вода дошла девушке до пояса, она оттолкнулась ногами от дна и поплыла. К центру озера. Берег заканчивался резко, озеро было достаточно глубоким, а плавать Катя научилась только прошлым летом. Действительно ли девочка хотела утонуть? Маловероятно. Скорее, это был лишь агрессивный, секундный позыв. Ее распирала обида, злость, хотелось выложить всю силу. И она плыла. Плыла до тех пор, пока не устала. Только тогда замерла на месте, пытаясь удержаться на поверхности воды и поняла, что заплыла слишком далеко. В глазах мелькнул страх.

— Надо... Надо плыть назад. Дура... — Катя развернулась и направилась в сторону берега. Одежда намочла, неприятно обтягивала тело и тянула вниз. Руки порядком устали. Хотелось уже скорее добраться до берега и лечь. Отдохнуть. Неожиданно свело правую ногу. Да так, что Катя вскрикнула, хлебнув воды. Еще один укол в ногу, и девочку потянуло на дно. Руки перестали слушаться, а вода заливалась в рот и нос.

«Дура, дура, пьяная дура, сама же орала на Мишку, чтобы пьяным купаться не ходил, сама говорила, что может утонуть. И теперь сама...» — да только Катя понимала, что шла не купаться. Она и шла в воду с намерением утопиться. Привычка добиваться своего любой ценой в этот раз дала сбой. Сиюсекундное идиотское желание начало сбываться. Катя тонула. Пытаясь удержаться, она махала руками и ногами, девочку охватила паника. Неожиданно для самой себя она начала молиться. «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную», «Господи, не остави мене...» — в голове крутились спасительные молитвы. Девочка с головой ушла под воду и, не выдержав, раскрыла рот в инстинктивном желании вздохнуть, но вместо этого начала хлебать ледяную воду. «Господи, папа, помоги... Ненвижу тебя...» — мысли начали скакать, и в глазах потемнело.

Неожиданный резкий рывок снова привел ее в чувства. Она пробкой вылетела на поверхность воды и, пытаясь вздохнуть, закашлялась, отплевывая воду. Ее кто-то тащил. Было ужасно больно в груди, в правой ноге до сих пор стреляло, Кате удалось пару раз вздохнуть. Затем в глазах снова потемнело, и она потеряла сознание.

Голова больно ударилась о песчаный берег, и Катя приподнялась, ее рвало – водой, водкой, недавно съеденным ужином. Болела голова, болело все тело, волосы перепачканы.

— Вот ты дура, Катька, дуреха! — девочка приподняла голову, хотя и по голосу узнала спасителя — это был Витька, ее одноклассник. Он сел на песок, тяжело дыша и еще несколько раз выругался.

— Домой... Отведи меня... Домой... — пробормотала Катя и повалилась в новом приступе рвоты.

— Ща... Отведу, — Витька взял бутылку «Столичной» и залпом опустошил ее, — вот. Теперь полегче стало. Пойдем.

Придерживая под руку, Витек дотащил ее до дома. По дороге, пропуская мимо ушей потоки мата и обзывания, Катя уловила суть — Витьке позвонила мама. Спустя час или два, как дочь убежала, она начала переживать и обзванивать знакомых. Судя по всему, только Витька воспринял всерьез слова мамы и пошел искать Катю.

— Хорошо хоть я знаю, что ты, алкоголичка старая, не в город рванешь, как мамка твоя верещала, а в наше укромное место, за водкой. Вот и нашел. А если бы в город поехал, а? Если бы на трассу рванул? Кормила бы уже рыб на дне. Дура! Вот дура!

Катя молча покачивалась на плече, с трудом перебирая ногами. Она соглашалась со всем, что говорит Витька. Ей хотелось только домой. В кровать. Больше ничего. Мама перехватила девушку где-то у входа. Она что-то причитала, кажется, даже плакала. Благодарила Витьку. Кажется, даже, Витька ничего не сказал о том, что она хотела утопиться. Просто на озере. Просто пьяная. Это хорошо. Меньше проблем.

Витька ушел, а мама прямо на крыльце начала отчитывать дочь, что-то кричала, плакала. Катя повисла на ее плече и попросила уложить спать. Мама, продолжая шепотом причитать, повела дочь по коридору в ее комнату. Проходя мимо спальни отца, Катя подняла голову.

Инстинктивно, то ли надеясь на то, что отец подойдет, то ли опасаясь этого... надеясь хоть на какую-то реакцию. Много позже этот вечер почти полностью стерся из ее памяти, остались какие-то обрывки. Но этот образ сохранился навсегда. Отец стоял на коленях, спиной к ней, и, уткнувшись в молитвослов, бормотал молитвы. За неё ли он молился или просто читал вечернее правило? Это было не важно. Сочетание боли, ненависти, унижения и безысходности сделали свое. Образ молящегося священника на всю жизнь стал ненавистным.

Мама завела дочь в спальню. Катя поймала испуганный взгляд сестры. И даже попыталась улыбнуться ей, сказать, что ничего страшного. Но не смогла. Вместо этого прямо в одежде упала на кровать, поверх одеяла и уснула. Мама раздела и укрыла ее

уже спящую. И еще несколько часов сидела рядом, гладила по мокрым волосам. И плакала.

Глава 3. Побег

— Пусть делает, что хочет! Ты представляешь! Папа сказал. Я сама слышала, — Леночка громко шепчет, иногда переходит на обычный разговор, но тут же ловит себя на этом и снова переходит на шёпот. Щёки горят, она очень довольна.

Катя лежит у себя в кровати и копается в айфоне. У нее интенсивная, на грани ссоры, беседа с Витьком. «Сегодня, говорю, надо», — пишет Катя. И добавляет гневный красный смайлик. «Катька, ты тиран. Я тебя ненавижу». На самом деле этот ответ означает: что же с тобой поделаться, согласен. «Жду тебя, чем скорее, тем лучше». В ответ Витька присылает картинку кошечки, которая прикрыла глаза с подписью: «Ой, всё».

— Кааатка, ты меня слушаешь? Я говорю, что ты революцию совершила! Такого же еще не было! Кааатка.

— М? - Катя улыбается и прячет айфон под одеяло. - Чего не было?

— Ну, Кааать, - Ленка надулась и сложила руки на груди, - ты ничего не слышала?

— Частично да, слышала. Вы с Лёшкой что-то там вывели, подслушивали, как мама с папой ругались?

— Ну, они не ругались. Ой, Катька, ты невыносимая. Ты меня совсем не слушаешь. Они не ругались. Они просто... Спорили. Мама тебя вроде как защищала. Я не всё слышала. Но мама пыталась добиться от папы согласия. Мол, надо дать Кате шанс. Как-то так. А он что-то спорил. А потом в конце ответил — громко так: «Если я ей не указ, пусть делает что хочет!» Понимаешь? Он согласился! Он не против того, чтобы ты поехала в город и поступила. Понимаешь?

Катя отрешенно посмотрела на сестру.

— Вот тебе сколько лет?

— Четырнадцать... - Лена пытается понять, в чем подвох. - А к чему этот вопрос?

— К тому, что уже такая взрослая кобыла вымахала, а все в сказки веришь. Ты четырнадцать лет живешь и четырнадцать лет знаешь папу. Неужели ты правда веришь, что он вот так просто возьмет и сдастся?

— Ну... - Лена сидела на кровати, уткнувшись носом в колени. - Может... Ну надо же что-то делать, Катя! Папа он... Он строгий, конечно. Но он же не глупый. Он сумеет. Попробуй.

— Лен, я целый год пыталась, веришь, нет? Я реально к нему подлизывалась. Ну, типа пыталась быть нормальной дочерью. И? Какой результат? Ноооль. Ноль. Надо решать вопрос по-другому.

— А может... Может, надо было не пытаться быть. А просто стать. Нормальной дочерью? – Катя замолчала и уставилась на сестру. Но та не отводила свой не по-детски взрослый взгляд. Неожиданно Катя увидела в сестре молодую девушку. Красивую, серьезную. Которая еще через год-другой начнет нравиться мальчишкам. Ой, как нравится. Кате было далеко до сестры.

— То есть ты считаешь, что я ненормальная? – процедила Катя.

— Нет... Катенька, нет, ты нормальная. Просто... Просто ты другая. Просто... Я не знаю, что сделать. Я не знаю, как помирить вас с папой.

— Зато я знаю. Никак. Ложись давай спать. А мне надо собираться. Сейчас Витька придет.

— Какой Витька? Ты снова пить?

— Ну... Почти. Вроде тихо за дверью? Родители легли уже? – Катя встала с кровати, накинула свитер и отодвинула кровать. Между кроватью и тумбочкой, прислонившись линиям боком, стоял старый Катин рюкзак. С ним Леночка хорошо была знакома, Катя не расставалась с этим рюкзаком ни в одном паломническом путешествии. Однажды в Дивеево вышел казус. Оказалось, Катя носила в этом рюкзаке флягу с разбавленным спиртом и потихоньку попивала его, запивая святой водой. И кто-то из монахинь Дивеевского монастыря заметил это. Когда вся семья отца Романа подошла приложиться к мощам Серафима Саровского, одна старенькая инокиня начала верещать и ругаться на весь храм, причем ругательства были адресованы не Кате, а отцу Роману, который, краснея, слушал и смиренно молчал.

— Вы видели, что ваша дочь вытворяет? Я не допущу ее в таком виде к мощам! – верещала инокиня. Первой не выдержала Катя. То ли потому что она была уже подвыпившая, то ли просто ей уже надоел монастырь.

— Ой, что вы начали со своим Серафимом Саровским. Больно хотелось. Нашли тоже, чем кичиться, – Катя с гордо поднятой головой покинула храм. Скандал отцу Роману

удалось замаять, Катю даже не выселили из монастырской гостиницы, где она и проторчала оставшиеся два дня, даже ни разу не высунувшись. Попивая спирт из своего старенького рюкзака.

И вот этот рюкзак стоял за кроватью. Подозрительно толстый.

— Каать? – протянула Леночка, — что... что это? Зачем? Что ты задумала?

— Да ничего я не задумала. Ложись спать.

— Кать... Ты... Ты решила сбежать? – Леночка побледнела. — Я... я тебя не пушу.

— Непустишь? А что? Что ты сделаешь? Пойдешь мамке наябедничаешь? Ну и давай! Давай, иди! Чего ж ты встала. Только как ты выйдешь за порог, меня уже и след простыл.

На самом деле Катя блефовала. Ей надо было дождаться Витька. И она жутко испугалась, что вот сейчас, на последних этапах, её гениальный план рухнет.

— Нет... Не пойду. Кать... Я не хочу вредить тебе. Но я... Я не хочу отпускать тебя. Кать. Я боюсь, – неожиданно лицо Леночки переменялось, оно как-то неуклюже сморщилось, нижняя губа затряслась, Леночка в секунду из красавицы превратилась в какого-то скукоженного старичка. И разрыдалась.

— Тише, тише, ну ты что! Тише, услышат же! Подумают, что я тебя... Побила, что ли. Понабегут. Не реви, ты что.

— Я люблю тебя, - Леночка говорила шёпотом, даже всхлипывать старалась вполголоса, чтобы ее не услышали, - не уезжай, Кать. Я же... Я же люблю тебя.

— Ну что ты, что ты, дурочка, ну перестань, ну что ты. Видишь, я тоже сейчас расплачусь. Будем тут как две дуры рыдать. Ну... - глаза Кати и правда предательски заблестели. - Я же не навсегда. Я же не от тебя. Обязательно свидимся еще. В ближайшее время и свидимся. Я тоже люблю тебя. Мы, конечно, с тобой часто не ладили. Но ты же понимаешь... Ну... Перестань.

Неожиданно в окно постучали. Быстро, как будто дробинками по стеклу. Катя встрепенулась и отошла от сестры.

— Это Витёк. Мне пора. Надо идти. Всё. Всё будет хорошо, не бойся. Я тебя не брошу, сестрёнка. Вот увидишь, сама в город переедешь – мы с тобой свидимся.

Лена кивнула, даже не поднимая головы. Она утирала кулаками слезы, но те никак не прекращали течь.

— Все, давай. Не реви долго, спать ложись. А то обижусь, - Катя подхватила рюкзачок и ловко повернула ручку оконной рамы. Привычным движением, как обычно, как часто бывало вечерами. Только на этот раз все было намного серьезнее. Кате было слишком тесно в клетке. И однажды это должно было произойти. Однажды она должна была вылететь из клетки и не вернуться. Леночка понимала это. Но от этого становилось еще больнее. И она снова залилась слезами.

В комнату ворвался тёплый летний воздух, пахнувший свежескошенной травой. С улицы раздалось ворчание:

— Ох, Катька, ну ты мне всю плешь проела. Нет, не возьму тебя в жены. Нафиг надо.

— Так, болтун. Сумку взял?

— Взаяял, — недовольно протянул Витёк. Чёт легкая она у тебя очень. Косметики, небось, набрала и бутеров. Эх, не сбегают так. Зуб даю — недельку помыкаешься да вернешься.

— Посмотрим, - процедила девушка. И, не оглядываясь на сестру, перелезла через подоконник.

— Давай, Лен. Не поминай лихом, - и уже тихо-тихо, в полголоса, - люблю тебя.

Катька спрыгнула. За окном разразилась возня и недовольный голос Витька:

— Маать, ну ты давай аккуратнее, если я тебе еще живой нужен.

— Тихо ты. Сейчас весь дом разбудишь. Пойдем скорее. Электричка через двадцать минут, последняя.

Шли молча. Витёк смотрел себе под ноги, Катя периодически воровато оглядывалась, опасаясь погони. «Как в хорошем американском фильме», — подумала она. Как Леон с Матильдой. Тишину нарушил Витёк.

— Я это... Того... Я на самом деле шучу-шучу весь такой. А всё потому что на самом деле того... Не хочу тебя отпускать. Я очень боюсь, что ты уедешь, и мы больше никогда с тобой не увидимся...

— Ну, ты чего кликушествуешь. Будем. Будут еще встречи, конечно же. В город приедешь. Я тебя пивом угощу, обещаю.

— Да... Так-то да. Только вот беспокойно на душе. Я тогда... Когда вытащил тебя из воды... На озере... Я вроде ворчал, а на самом деле знаешь, как очканул. Я когда увидел тебя там, барахтающуюся, думал уже всё... И вот теперь такое же чувство. Только тогда я мог что-то сделать, чтобы тебя вытащить. А теперь, получается, сам же тебе помогаю... того...

— Перестань, - в горле у Кати встал ком, - раз уж мы серьезно – ты должен меня понять. Я не могу больше. Мне душно, меня задушило это место, меня задушил отец, семья. Воздух этот. Чёртов.

— Да... Говнецом-то пахнет, это точно, — серьезно кивнул Витёк. Но Катя рассмеялась. Надо было разрядить обстановку. Они подошли к перрону. Мимо со свистом пролетел товарняк, взъерошивая волосы.

«Вот куда надо было идти, - неожиданно подумала Катя, - здесь бы, под колесами, уж точно не спаслась бы». Хотя... Получается, сюда и пришла. И, получается, не спаслась. От этих мыслей по коже пошли мурашки. Поезд улетел, и ребята перешли на другую сторону дороги. Перрон был пустой, стояло всего два человека, какой-то пьяный бородач и молодой человек в наушниках.

— Так, правила безопасности знаешь? Садись в вагон, где светлее и побольше народа. Если вдруг кто... Того, приставать начнет, ори и нажимай кнопку связи с машинистом.

— Витёк, ты чего? Мне не семь лет.

— Да знаю... Так... Очкую чёт. Не знаю... Не обращай внимания.

Витёк отвернулся от Кати, делая вид, что внимательно следит за дорогой, опасаясь пропустить электричку. Катя просто молчала. Говорить не было сил, она с опаской посматривала в сторону дома. Вдруг Леночка не выдержала, вдруг сейчас прибежит Роман Романович. Или мама. «Если мама начнет уговаривать, я же не смогу...» — думала девушка.

Электричка аккуратно причалила к перрону. Видно, не зря Витёк следил, она так тихо подкралась, что можно было и случайно пропустить.

— Ну, мужик, давай. Не поминай лихом, — Катя крепко прижалась к другу, обхватив спину обеими руками.

— И ты, мать. Если вдруг что где обидел тебя – это я не со зла. Сама знаешь, люблю тебя как родную. И буду очень-очень скучать. Будь моя воля... Не пустил бы тебя.

— Спасибо, спасибо, дорогой.

— Помни, станет трудно, не бойся, приходи ко мне. В обиду не дам, помогу всегда.

— Спасибо, - Катя ответила уже со ступенек. Витёк подал сумку, и дверь с шипением захлопнулась. Электричку тряхнуло, пахнуло металлом и мочой. Состав тронулся. Хотя Кате казалось, что электричка стоит на месте, а поехала деревня. Поехала куда-то назад, в прошлое. Сначала медленно проезжали домики, затем быстрее. Вот церковь. Стоит, одинокая, в темноте, даже золоченый крест на куполе не блестит – вокруг ни одного фонаря. А вот вдали и дом. Электричка набрала скорость, и Катя даже не смогла разобрать, горит ли в доме свет. Ей показалось, что дом полностью тёмный. Неужели все спят? Неужели всем глубоко наплевать? Неужели? – Катя уткнулась носом в стекло, в надпись «Не прислоняться», пытаюсь рассмотреть отчий дом, но тот уже пропал из виду. Улетел. Улетел в прошлое. Провалился в тартар. Никто даже не заметил, что она пропала. Конечно, именно на такую реакцию Катя и рассчитывала. Но почему-то стало нестерпимо больно.

Наконец девушка не выдержала и разрыдалась. Она сползла по стеклу и уселась на пол, прислонившись спиной к двери. Катю сотрясало от рыданий. Она запустила руки в волосы, хватала сумку, долбила кулаком по стенке. И редела, тихо, почти без звука, так, чтобы никто не услышал. Это была привычка ребенка, выросшего в многодетной семье. Закрыться в туалете, в ванной – и рыдать. Так, чтобы никто никогда не узнал. Чтобы никто ничего не услышал. В семье священника дети не плачут. В семье священника все всегда счастливые. Все и всегда. Но только не Катя.

— Никогда, никогда не вернусь, - процедила девушка сквозь слёзы, - никогда. Никогда. Сделаю всё, чтобы никогда не вернуться.

И действительно. Сделала.

Часть 2. Леночка

Глава 4. Петра и Павла

В глубоком кармане юбки начала играть незатейливая мелодия сотового телефона. Наивная детская песня «Мама – первое слово». Леночка очень любила эту песню с самого детства. А сейчас, когда уже почти год жила вдали от мамы, от этой песни сжималось сердце. Но только не в этот раз. В этот раз сердце сжалось от ужаса.

Она стояла в семинарской трапезной, полной народа. Огромное помещение, с двадцатью, а то и тридцатью огромными деревянными столами на десять человек, было полностью забито семинаристами. В черных брюках, кителях, с ярко-белыми подворотничками – только-только закончилось торжественное праздничное богослужение, посвященное святым апостолам Петру и Павлу. А значит и закончился Петропавловский пост. Не очень строгий, с рыбой, но семинаристы явно соскучились по мясу и с аппетитом принялись к дымящимся супницам, радостно гудели и обсуждали – кто предстоящие каникулы, кто новеньких абитуриентов, которые потихоньку начинали сползаться в альма-матер на послушания, кто новые романтические похождения. Леночка же в этот день дежурила в трапезной – в то время, когда все ее однокурсницы пели на клиросе торжественное богослужение, она с двумя мальчишками чистила картошку, накрывала столы, расставляла посуду.

Трапезную Леночка любила. Может, потому что труд для нее никогда не был тяжелым, работать на кухне она привыкла еще с дома, может, потому что не очень любила петь на клиросе – у нее был довольно слабый голос, она часто болела, и после длинных богослужений, особенно когда исполнялись сложные партии, у нее садился голос, а то и вовсе начинался бронхит. К тому же в трапезной можно было весело провести время с мальчишками. Те постоянно шутили, несли какую-то чушь, травили байки про преподавателей-священников. С одной стороны, это было чудовищно, всё же священники, какие бы смешные они ни были. Но с другой стороны все эти мальчишки сами через год-другой наденут рясу, крест и станут священниками.

Леночка думала, что им можно смеяться над преподавателями, было в этом что-то от настоящего смирения, подсмеиваясь над преподавателями, они подсмеивались над собой, над своими грехами. Видя, как вести себя не надо, они, став священниками, будут намного лучше своих преподавателей.

Но еще Леночка была безумно рада, что ее оставили дежурить именно в этот день, потому что не пришлось ехать домой. Была официальная отмазка. Не то, чтобы Леночке не хотелось домой – последний раз она была дома в апреле. Она соскучилась по маме, по братьям и сестрам, но именно в этот праздничный день Леночке очень хотелось остаться в семинарии.

Вечером брат, Роман Романович, собирался с однокурсниками в лес на шашлыки. И он никогда не отказывал Леночке, когда та просилась с ними. Да что там, за год учебы в семинарии она успела стать своей в его компании. Конечно, будет алкоголь, будут песни, иногда даже не очень приличные. Но это Лена готова была терпеть. Дело в том, что ей очень нравился Володя, хороший друг Романа Романовича. Высокий,

светловолосый, голубоглазый, с мощным, ярко выраженным басом, он всегда очень тактично, с какой-то нежностью относился к Леночке. Она пила в компании лишь изредка, под настроение. Только не в пост, конечно же. И вот однажды, осенью, на Покрова, когда девушка выпила два бокала вина, Володя даже предложил проводить её до регентского отделения.

Женское общежитие находилось чуть подальше от семинарии и учебных корпусов, в отдельном здании, за забором. После одиннадцати вечера наступал комендантский час, чтобы попасть в здание, надо было звонить подружкам по комнате, а те тайком открывали заднюю дверь. Все это обычно затягивалось, была опасность попасться, а значит и быть отчисленной. Семинаристы, которые часто бывали причиной опоздания девушек, провожали своих дам и вместе с ними мерзли возле забора. Конечно же, Леночка тогда отказалась. Ещё бы, одно дело, если ее застанут одну, можно как-то выкрутиться, но совсем другое – если её застукают с мальчиком. Тогда совсем пиши пропало. Но несмотря на свой отказ, Леночка отметила, какой же Володя заботливый.

И вот этим вечером была возможность еще раз с ним встретиться. А то – почему бы и нет, в такой-то праздник и без чудес – он обратит на нее внимание? И они начнут встречаться. Ай, всё мечты. И вот как раз на этих мечтах зазвонил телефон. Точнее позвонила мама, а телефон издал пронзительную, душераздирающую «Мама, первое слово...». Как по команде, будто от звонка, все семинаристы повскакивали с мест, а в трапезную вошел архимандрит Ермоген в окружении других священников, преподавателей семинарии. Они встали у икон и сразу же начали петь молитву, тропарь Петру и Павлу. Семинаристы в свою очередь подхватили пение: «Апостолов первопрестольники, и вселенной учителя...»

Телефон же наперекор всем пел «Мама жизнь подарила, мир подарила мне и тебе». На Леночке, как и на всех девушках с регентского, была праздничная белая блузка, на голове повязан белый платочек, так, чтобы не было видно волос, и длинная, до пят, чёрная юбка. В изгибах этой юбки, а точнее в потайном кармане и играла песенка про маму. Леночка лихорадочно, с выпученными глазами копалась в складках, пытаясь найти карман, но в панике ничего не получалось. К ней подбежал еще один дежурный, Лёшка. Он поступил в семинарию вместе с Леной, год назад. Невысокий, прыщавый, но при этом всегда аккуратно причесанный, в чистом кителе с белым воротничком, он был городским, на все выходные уезжал к маме.

— Иди на кухню, бегом, пока не услышали, — прошипел он и достаточно неприятно дернул Лену за руку. Та ойкнула и скрылась за дверью. Отбежав на приличное расстояние, убедившись, что ее не слышно, девушка наконец сумела достать телефон.

— Мам, ты совсем что ли? У нас трапезная. Ты прям на молитву позвонила. Хорошо отец Ермоген не услышал. Да, всё хорошо. Я завтра вечером приеду. Нет, Рома остается. Ему на послушания надо, да. Ну маа, мне некогда. Всё, давай, позвоню. С праздником вас. Люблю тебя.

Леночка нажала кнопку отбоя и положила телефон назад в карман. На лбу выступили капли пота. Надо же было так вляпаться!

— Так, Лена, - неожиданно раздался голос одного из поваров, - ты чего тут прячешься? Беги, давай, разноси второе. Ты что, своих товарищей бросила? Бегом.

Леночка схватила поднос, поставила туда несколько тарелок с пюре и говяжьей котлеткой и побежала разносить по столам.

Семинаристы за столами располагались по курсам. Самыми близкими к ректору сидел пятый курс, дальше четвертый, ближе к выходу первый курс и только за ним, чуть поодаль, стояли два стола для регентского отделения – девушки всегда сидели отдельно от молодых людей. Им Лена и понесла тарелки. Лёшка разносил порции семинаристам, а третий дежурный, четверокурсник Иван, понес запеченного поросёнка на стол ректору.

В центре зала стоял еще один семинарист, однокурсник Романа Романовича, Лена даже не помнила его имени. Архимандрит Ермоген дал ему отмашку, и он высоким, чуть блеющим голосом, провозгласил: «Житие святых первоверховных апостолов Петра и Павла благослови прочести, честный отче». Архимандрит благословил, и семинарист принялся бубнить себе под нос житие. Семинаристы его не слушали, сам архимандрит принялся за интересную беседу с отцом Никодимом, преподавателем Устава. Леночка разносила второе и принялась разливать чай. Всё шло своим чередом. Никто не заметил её ляпа. Ну, кроме Лёшки, который, пробегая мимо, ухмыльнулся и покрутил пальцем у виска.

Спустя полчаса, когда все поели и разошлись, посуда была загружена в посудомоечную машину и перемыта, а столы начисто вытерты, пришел черед обедать и дежурным. Иван, как самый старший, ушел сразу же по окончании трапезы. «Посуду без меня помойте там, — буркнул он. При этом, оглядываясь, чтобы не заметили повара, положил остатки поросёнка со стола ректора к себе в пакет, — пошёл я. С праздником вас». Лёшка накрыл стол только на двоих. Они прочитали молитву и сели кушать.

— Ох, ну ты даешь, - усмехнулся Лёшка, - как же ты так! Телефон не выключила. Еще бы на богослужении забыла бы.

— Да я чуть со стыда не сгорела, - засмеялась девочка в ответ, - представляешь, отец Ермоген услышал бы.

— Да уж! Было бы делов! А что у тебя за телефон?

— Айфон. Не знаю даже какой марки. Папа подарил, когда в семинарию поступала. А у тебя?

— У меня Самсунг. Самсунг по любому круче, знаю я эти ваши айфоны. Американские они.

— Да какая бы разница... Главное же не телефон, а что в душе, - парировала девочка.

— Это да, - кивнул Лёшка. Ему явно не хотелось спорить. Он чуть помялся и наконец решился, - а давай телефонами обменяемся.

— Телефонами? Зачем?

— Ну... Не телефонами, номерами... - Лёшка покраснел, - я перепутал.

— Я поняла о чем ты, - Лена улыбнулась, - я и спрашиваю – зачем?

— Ну... там... ты вечером что делаешь? Может, сходили куда бы?

— Я с Романом вечером, с братом.

— А... - протянул Лёшка. Он был еще слишком молод для этой компании, его не приглашали. - А то думал съездили бы в город... В кино там... Может.

— Давай, записывай, - улыбнулась девочка. Лёшка достал телефон, быстро набрал номер девушки и сделал дозвон.

— Вот, и ты мой запиши.

— Хорошо. Может, и сходим когда. Приятного аппетита, - Леночка улыбнулась, встала, про себя прочитала молитву и убежала.

— И тебе, - пробормотал Лёшка уже в совершенно пустой трапезной.

Вечером Леночка переделалась, сняла семинарскую форму, надела яркий красный сарафан с жёлтыми цветами, распустила свои длинные, до лопаток, волосы, поправила чёлку, надела новые сандалики, которые носила до этого всего пару раз. И

даже подкрасилась блеском для губ. Аккуратно, так, чтобы не выделялось, чтоб выглядело естественно, будто она просто облизала губы. Любая косметика среди семинаристов не приветствовалась, хотя девчонки все равно тайком красились, особенно когда выбирались в город. Приведя себя в порядок, покрутившись перед зеркалом, Леночка выскочила на улицу. Как раз вовремя, почти вся компания уже собралась у семинарии.

Восемь человек – четверо молодых людей и четыре девушки, включая Леночку. Роман Романович вёл под руку свою невесту, Юлю. Та поступала в семинарию вместе с Романом Романовичем, но так как на регентском отделении обучение длилось всего три года, она уже в этом году закончила учебу, и после Петропавловского поста у молодых людей намечалась свадьба. Были еще две подруги Юли, Лера и Валя, две одинокие, не очень симпатичные барышни. Ещё два друга Романа. Оба симпатичные, также, как и сам Роман Романович, пели в хоре. Но Леночка их даже не замечала. Главное, был Володя. В нарядной голубой рубашке с коротким рукавом, в джинсах и кедах, он выглядел очень стильно.

— Ну, Ленка, совсем красоткой стала! – пробасил он.

Выбрались как обычно в лес, неподалеку. Семинаристы там уже организовали определенное тайное место, на котором и собирались посиделки. Даже зимой, разница лишь в том, что зимой приходилось пить чуть больше, чтобы согреться. Леночка бежала впереди остальных, рядом с Романом Романовичем, который держал Юлю за ручку и представляла себе, как Володя любит ее сарафан, как следит за движением ткани. Настроение было чудесным. До тех пор, пока не дошли до места. Неожиданно, когда раскладывали покрывало на землю и доставали снедь из пакетов, Леночка заметила, как Володя коснулся руки Вали. Нет, решила девочка, показалось. Не может быть. Валя из всей компании была самой страшенькой. Полная, неказистая, она никак не могла бы... Нет, Лена даже не хотела об этом думать.

Молодые люди быстро разожгли костер, девушки нарезали колбасы и овощей. Володя достал специально подготовленный штопор и привычным движением откупорил бутылку вина. Хорошее грузинское вино. Все четверо семинаристов состояли в архиерейском хоре и петь богослужение на Петра и Павла ездили вместе с митрополитом в один из храмов города, освященный в честь апостолов. После службы настоятель как обычно накрыл шикарный стол для митрополита, а хор весь обед должен был петь любимые песни архиерея. Сначала духовные, тропарь праздника, величание, потом, по мере того, как митрополит пьянел, песни менялись на русские народные: «Эй, ухнем», «Ой, то не вечер», еще позже – на популярные советские

песни «Надежда, мой компас земной», «Как молоды мы были». И в самом конце, если архиерей расходился, переходили совсем к непотребным: Любэ «Ребята с нашего двора» и Михаила Круга «Владимирский централ». Но на этот раз архиерей куда-то торопился, трапеза закончилась быстро, на советских песнях. И это было очень хорошо – после архиерея на столе осталось вино и еда, которое семинаристы быстро, пока не успел опомниться настоятель, попрятали в специально подготовленные пакеты и были таковы.

Именно это вино и открывал Володя. Он разлил девушкам в пластиковые стаканы и замер напротив Леночки:

— Ну, что, взрослая. Будешь?

— Буду, - согласилась Лена. Гулять так гулять. Володя налил и ей. А затем разлил парням водку.

— Давайте, за праздник.

Они выпили, закусили. И тут Валя снова прикоснулась к Володе. Но на этот раз совсем уж откровенно. Прикоснулась и – о, ужас – руку так и не убрала. Пили ещё, потом ещё, потом принялись петь. Потом пили ещё. И Лена пила вместе со всеми. Пила и мрачнела. Роман Романович по мере опьянения все плотнее обнимал Юлю – сначала положил ей голову на оголенные коленки, потом стал хватать её за грудь, затем они отодвинулись чуть в сторону и принялись целоваться. Володя был поскромнее. Он не положил голову, не целовался. Он просто сидел и общался. Рассказывал какие-то дурацкие истории, шутил. А Валя в ответ также по-дурацки смеялась. Смеялась и пила. Пила и держала Володю за руку.

Наконец Лена не выдержала, встала и направилась по тропинке из леса. Её даже никто не окликнул. Настроение было окончательно испорчено. Уже подходя к семинарии, Лена достала из сумочки телефон, хотела позвонить маме, и её взгляд неожиданно упал на последний звонивший номер. Какой-то незнакомый. Кто это мог быть? Кто мог ей звонить? Лена несколько секунд рассматривала телефон, а затем набрала этот номер.

— Алло, кто это? – чуть заплетающимся языком спросила она.

— Э... Лен, ты чего? Это Лёшка. Мы сегодня дежурили с тобой. Ты ж сама мне номер свой дала.

Лена покраснела. Вот дура, правда. И забыла совсем. Надо было выкручиваться.

— Да, я помню... А ты что делаешь? Ты дома уже?

— Неа, в семинарии остался.

— О. Приходи... Приходи к регентскому. Пойдем погуляем.

— Да... Хорошо, сейчас. Соберусь только.

Лена положила трубку и села на скамейку. Зачем Лёшку позвала? Он ей и не нравился никогда. «Хотя, - решила девушка, - раз я там не нужна, хоть погуляю с тем, кому нужна. Ничего же страшного в этом нет. Просто погуляю». Она растянулась на скамейке, вытянула ноги и стала любоваться закатом, ожидая молодого человека.

Глава 5. Кафе

В кафе Леночка чувствовала себя неуютно. Простенькая деревенская девушка, в летнем сарафанчике, с двумя идиотскими косичками, ни грамма косметики. Она явно не вписывалась в общество этих красивых, аккуратных людей. В целом городская мода Лене нравилась, она могла часами наблюдать за девушками. Вот у этой цвет лака на ногтях сочетается с туфлями. Даже то, что безымянный палец покрашен в коричневый цвет, подчеркивает аналогичную полоску на туфельках. А вот у этой странная прическа. В волосы вплетены какие-то то ли травы, то ли проволоки. Это удивительно. Сколько же времени девушке надо потратить, чтобы выглядеть вот так...

Но на этот раз даже любоваться девушками Лене было неуютно, потому что те в ответ смотрели на нее. Оценивали её. А оценивать, надо отдать должное, было нечего. Леночка утром иногда даже не пользовалась расческой. Быстро собрав растрепанные волосы в конский хвост, спрятав их под платочек, Леночка бежала в семинарский храм петь утреннюю молитву. В этот раз она, конечно, надела своё новое платье, заплела волосы в две косички. Но по сравнению с красавицами вокруг выглядела достаточно блекло. Ещё этот официант. Сразу же подскочил, как только она села за столик в дальнем углу.

— Что будете заказывать? Вам меню принести?

— Я... Я тут человека жду, — голос Лены чуть вздрогнул. Ей показалось, что всё кафе разом оглянулось на нее и осуждающие посмотрело. «Ага, - мол, - пришла просто посидеть! Выгонять таких надо. А то, вдруг проходила мимо, поняла, что хочет в туалет, зайдет сейчас, сделает все свои дела, и убежит!» - Я пока ничего заказывать не буду. Подожду.

— Хорошо, конечно, я вам меню оставлю. Можете пока полистать.

Лена кивнула и взяла яркий ламинированный альбом. Заказывать она ничего не собиралась – денег у нее было только что на проезд, родители высылали деньги не часто, но ради приличия меню открыла и принялась изучать.

Чай с лимоном. Чайник. Триста грамм. Сто пятьдесят рублей. Ну, это еще терпимо. Тем более чайник можно заказать на двоих, например. Эх, вот бы Лёшка пригласил её в кафе. Он же городской, мама точно дает ему денег. Но он, похоже, не догадывался, что девушку стоит приглашать в кафе, дарить подарки. На худой конец, цветы. Он вообще не умел ухаживать. Ладно, чай. Страничка с кофе вызвала у Лены приступ ужаса. Какие-то маленькие стаканчики с безумными ценами. И названия. Капучино. Американо. Что, как, зачем? «Нет, — решила она, — если уж Лёшка пригласит меня в кафе, пить буду только чай».

Страничка со сладким тоже не очень успокаивала. Предмет непонятной формы и с идиотским названием круассан. Лена специально еще раз прочитала. Что за название такое? Что за курасан? Какая-то булочка с повидлом. А называется так, будто с курицей. Очень странно. Зато оладушки со сметаной ей понравились. Оладушки она бы заказала. Тем более утром на завтрак в семинарии была манная каша, которую Лена терпеть не могла. Лена выпила чай, съела два кусочка хлеба с маслом, и теперь живот предательски урчал при виде вкусняшек.

— Привет, — неожиданно сверху раздался голос сестры. Девушка аж подскочила на стуле от неожиданности.

— Привет! А я тут чуть пораньше пришла. Жду тебя, — Леночка поднялась со стула и обняла старшую сестру.

Прошло три года с того момента, как Катя уехала из дома. Три долгих года. Два года после отъезда Кати Лена ничего не знала о сестре. Дома строго-настрого было запрещено говорить о беглянке. Леночка подслушивала разговоры и допрашивала Романа Романовича, когда тот приезжал на каникулы домой. Роман Романович тоже был немногословен, но он все же признался, что с Катей видится и делится некоторыми новостями. «Мне кажется, - однажды даже разоткровенничался он, - они с мамой созваниваются. Но я не могу точно утверждать. Я даже думаю, мама тайком пересылает ей деньги».

У Лены тоже были такие подозрения. Она несколько раз заставляла маму, когда та разговаривала по телефону шёпотом, увидев, что вошла Леночка, воровато быстро меняла тему и начинала говорить громче. Однажды Леночка точно услышала, как мама обращается к кому-то по ту сторону телефона по имени Катя. «Кать, ты же

понимаешь, ты же всё понимаешь. Надо было что-то делать!» - пробормотала тогда мама. Леночка точно услышала это имя. Но с той ли Катей разговаривала мама, узнать доподлинно не было возможности. А напрямую спросить Леночка не решалась.

Леночка узнала от Романа Романовича, что Катя первый год, как переехала, даже не пыталась поступить, баллы по ЕГЭ были слабые, а о платном отделении не было и речи. Поэтому первый год Катя обживалась. Она работала в каком-то сетевом магазине продавщицей. Сняла комнату на окраине города. Летом, первый год после побега, когда Роман Романович закончил первый курс, он рассказывал, что дела у Кати очень и очень плохи. Перезанимала денег, опасалась даже, что придется выселяться из комнаты, искала более дешёвые варианты. Но уже в январе, спустя полтора года, на рождественских каникулах, Роман Романович рассказывал, что Катя поступила в ВУЗ, как и хотела, правда, на заочное отделение. Но зато на бюджет. И, вроде как, её даже повысили до товароведа. Денег стало побольше, времени поменьше. И виделись они с Романом всего пару раз за полгода.

Новости были сногшибательными. Кате удалось! Катя смогла! У Кати все получилось. Несмотря на то, что Леночка никогда, даже в мыслях, не поддерживала Катю, считала, что та поступила уж очень опрометчиво, Леночка была рада. Сколько в голове у девочки было страшных мыслей о сестре! То ей казалось, что та спилась и, не дай Господи, попала в нехорошие руки, то вдруг ночью приходили мысли о том, что Катя умерла. Однажды Леночка краем глаза заметила, как мама в храме написала в записке о заупокойном поминовении новое имя. Помимо привычных имен бабушки, дедушки, родственников, умершего сразу после рождения брата Леночки, младенца Валерия, появилось имя новопреставленной Екатерины. Как билось сердце девочки, как она переживала. Страх был настолько сильный, что Леночка не выдержала, подошла после службы к маме и дрожащим голосом спросила: «Мам, ты за упокой Екатерину написала... А кто это?» Имя сестры не произносилось, но мама сразу же поняла, о чем речь. «Ну что ты, что ты, родная, это соседка наша, баба Катя, она вчера умерла. Сегодня Егор, внук её, ко мне утром подходил, попросил помолиться за неё». Леночка молча кивнула, обняла маму, но вечером, перед сном, не выдержала и разрыдалась под одеялом.

Когда Леночка сама собиралась в семинарию, стояла на перроне, ожидая электричку, с тремя огромными сумками, в окружении братьев и сестер, мамы, которая тайком утирала слезы, она не переставала думать о Кате. Ну что, что мешало ей уехать точно так же, без этих идиотских выкидонов? Зачем было вот так... Леночка была уверена, что как только приедет, сделает все возможное, чтобы сразу же встретиться с сестрой.

Но жизнь закрутилась, началась учеба, послушания, дни были плотно заняты, выходные тоже быстро пролетали. Катин номер телефона Леночка взяла у Романа Романовича лишь в октябре. Но и то девушка долго не решалась позвонить. Встретились же они впервые в декабре. Вот в этом самом кафе. Разговор вышел очень душевным. Катя почти не изменилась. Стала чуть постарше, чуть посерьезнее, но это была все та же Катя. Сестры обнялись, поплакали и проболтали почти четыре часа без передыха. С тех пор девушки стали встречаться чаще, где-то раз в месяц. И вот теперь, в конце июля, вернувшись с коротких каникул из дома, Леночка снова встретилась с сестрой. Предстоял достаточно важный разговор. Леночка хотела сделать всё возможное, чтобы уговорить сестру приехать на свадьбу Романа Романовича.

— Как домой съездила? – Катя села напротив сестры и впилась в Леночку взглядом.

— Да, очень хорошо... По маме очень соскучилась. Очень рада, что встретились. Она сейчас свободнее стала. Настеньку удалось в садик отдать.

— Настенька... Взрослая совсем, да?

— Да. Болтает без умолку. Как она своими ножками бежала ко мне, пупсик! – Леночка рассмеялась от радости.

— Она даже меня не помнит... - Катя опустила взгляд и чуть помрачнела.

— Не помнит... - Лена постаралась быстрее сменить тему. - Володя вот. Школу в этом году закончил. Но он тоже в семинарию поступать не хочет пока. Он собрался в армию. Сказал, что мужчина сначала должен отслужить. За два года, говорит, будет, о чем подумать. Отец дал свое согласие.

Катя в ответ лишь кивнула. Подошёл тот же навязчивый официант.

— Добрый день, девушки. Определились с заказом?

— Нет еще. Леночка, ты кушать хочешь?

— Нет-нет, что ты... — Леночка покраснела. — Нет, конечно... Я...

— Так, не скромничай. Кофе будешь?

— Кофе нет. Точно. Давай чай лучше.

— Ну хорошо. Чай. И мне, пожалуйста, вот этот пирожок с вишней. А Лене давайте вот эту ватрушку с творогом.

Лене очень хотелось попробовать оладушки со сметаной. Но она ни за что не решилась бы сама признаться сестре в этом. Денег-то у нее нет, платить придется Кате. Так что пусть уж сама выбирает, что покупать.

— Чайник чёрного, ватрушка и пирожок с вишней, я правильно понял заказ? — официант откланялся и убежал.

— Ну, а ты сама как? Как учеба? — спросила Леночка. Завязался разговор. Сначала аккуратно, с общих тем, зачем все ироничнее, откровеннее. Даже со стороны было видно, как из двух почти чужих людей девушки превращались в сестёр, которые не один год прожили вместе в одной комнате. Они хихикали, болтали. Уже спустя час разговора Катя по-приятельски хлопала Леночку по плечу, а та уже без всякого стеснения попросила у сестры купить ей оладушек. За разговором Леночка успела рассмотреть, какая же красивая её сестра. За три года жизни в городе она стала такой же, как все эти красавицы из кафе. Уложенная прическа, не яркая, аккуратно наложенная косметика. Модная блузка, кеды, рваные джинсы. Лена не завидовала. Несмотря на то, что она выросла в большой семье, это чувство было ей почти не знакомо. Она радовалась за сестру. Ей было приятно, что Катя стала такой красавицей. Да что там, она чувствовала себя значимее, когда сидела рядом с сестрой.

— И ты понимаешь, - Катя пила уже пятую или шестую кружку чая, - я не знаю, что делать. Лёня он... Вроде бы даже жить начали вместе с ним. И вроде как он неплохой человек. Ну правда, не смейся. Ну да, я говорила, что он зануда очкастая. Но это я так... Любя, можно сказать. Так-то он хороший. Но мне кажется, я не люблю его. Он меня раздражает порой. Я вот сейчас сижу с тобой, мне уютно здесь. Мне так хорошо, беседа льется сама собой. А с ним... Он бука какой-то, что ли. Я и так, и эдак. И вроде иногда хорошо всё. Но чаще даже поговорить не о чем. И ревнует постоянно. Вот сейчас странно, что не названивает. В тебя он еще как-то верит. Вообще старается не вмешиваться, когда дело касается моей семьи.

— Из меня плохой советчик, ты понимаешь... - Леночка улыбнулась. - Я могу сказать только, как я бы поступила.

— Давай, делись.

— Но ты понимаешь, что я с православной точки зрения.

— Понимаю, - Катя рассмеялась, - делись православной точкой зрения.

— Я бы, во-первых, с ним бы не... съехала бы. До свадьбы.

— Не переспала, ты хотела сказать.

— Ну да, - Леночка чуть покраснела, - я бы обязательно довела дело до свадьбы.

— Ну как? Ну как я могу замуж за него пойти, когда я даже не понимаю, нравится он мне или нет, подходит или нет?

— Так ведь живешь же с ним! Значит, подходит! Вот поэтому и надо жениться. Когда замуж вышла, уже назад дороги нет, мыслей даже таких нет. После свадьбы, куда деваться, я бы терпела. Нет идеальных людей. Уж ты-то должна понимать. Я вот тоже никак не пойму, что у нас с Лёшкой. Он совершенно безынициативный. Нам тоже порой даже поговорить не о чем. Но мы с ним целовались. И я считаю, что это уже что-то да значит. И если он сделает мне предложение я, может быть, соглашусь. Мы венчаемся, обязательно венчаемся. И всё, после этого даже мысли такой не будет. Подходит он мне или нет. Буду терпеть таким, какой есть. У тебя от того и вопросы, что ты не по закону отношения начала. Не обижайся на меня, я не хочу сейчас мораль тебе читать. Я правда так думаю.

— Я понимаю... - Катя кивнула, лицо было серьезным. - В твоей схеме вроде всё сходится. Но в этой схеме нет места для любви.

— Любовь – она приходит. Потом. После долгого труда, после многих лет отношений. Наступает настоящая любовь. Когда уже детки появятся. Когда...

— У мамы с папой ты видела любовь? – неожиданно прервала её Катя. - Спусти столько лет и восемь детей. Сколько раз он обнял её? Или ласковое слово сказал? Ты слышала?

— Ну... Если я не слышала... Это не значит.

— Вот она, дыра вселенского масштаба. За всеми этими догматами, правилами, обязательствами любовь ускользает. Ничего она не приходит с возрастом. Она либо есть, либо ее нет. Просто, когда её нет, со временем о ней смело забывают. Вот Роман Романович, скажи мне, влюблен в свою Юлю?

— Слушай! – Леночка аж подпрыгнула на стуле. - Они же женятся на эти выходные. Я же тебе... Ну, как раз об этом и хотела рассказать.

— Он мне звонил... а где свадьба?

— Здесь. В городе. Они ресторан заказали, тамада будет. Друзья. Он мне сказал, что приглашал и тебя. Но ты отказалась. И вот... Я сама решила тебя уговорить. Он меня не просил, правда-правда. Я просто скучаю, Кать. Я была бы очень рада, если бы ты...

— Папа будет. Мама. Да?

— Будут...

— И как ты себе представляешь нашу встречу?

— Ну... Ведь надо же когда-то с ними мириться. Прошло три года, Кать. Надо... Надо попробовать.

— Может... Может быть, ты и права, попробовать и стоит. Но точно не в этот день. Я своим присутствием испорчу всю свадьбу. Нет уж, я лучше заочно поздравлю Ромку.

— Кать... - Лена чуть не расплакалась. - Ну как? Как же так... Ведь ты... Он...

— Лен, ты не маленькая. Ты все понимаешь.

— Я понимаю, - кивнула Лена. На несколько секунд воцарилась пауза, которую Леночка и прервала. - Но после свадьбы мы все встретимся в этом кафе. Ты, я и Роман Романович.

— И Юля, и твой Лёшка, — засмеялась Катя.

— И твой Лёня! Обязательно! – Леночка подскочила со стула, подлетела к сестре и обняла её. — Катька, я так тебя люблю... Ты лучшая сестра на свете.

Катя вернулась домой лишь под вечер. После встречи с сестрой она еще прошлась по магазинам. Домой не хотелось. Уже с коридора, разуваясь, Катя услышала звуки взрывов. Лёня играл в «Ворлд от Танкс». Чем еще может заниматься мужчина в свой выходной? Она прошла в зал и встала в проходе.

— Чёрт бы его драл! – Лёня со злости стукнул мышкой об стол и повернулся к Кате. Раз уж танк взорвали, можно было обратить внимание и на девушку. — Привет. Как сходила?

— Лёнь, - Катя прислонилась плечом к плинтусу и смотрела молодому человеку прямо в глаза, она никогда не опускала глаза, - я всё решила. Нам надо расстаться.

Глава 6. Венчание

Венчание проходило прямо в семинарском храме. Молодых венчал ректор, отец Ермоген. Папа пригласил его и на неофициальную часть, в ресторан, но в последний момент священник отказался. Может, ему неудобно было пить в одной компании с семинаристами, а может, действительно был занят – в семинарии поговаривали, что отец ректор попал в немилость к митрополиту и что, мол, вот-вот отца Ермогена снимут с должности ректора и сошлют в монастырь. Так или иначе, после венчания священник поздравил молодых, произнес пламенную речь о том, что теперь раб Божий Роман и раба Божья Иулия не два разных человека, но стали единым целым. Жене отец Ермоген заповедовал бояться мужа, мужу – беречь жену.

Роман Романович стоял весь мокрый – он насквозь пропотел в свадебном костюме. Юля следила, чтобы свеча не капала на свадебное платье и старалась выбрать удобный ракурс для фотографа, при этом размышляя о том, какие фото она выложит «В контакте» и что теперь пора поменять статус с «влюблена» на «замужем», а также сменить фамилию в профиле. Гости со стороны Юли, многие люди светские, к церковной службе непривыкшие, с любопытством рассматривали нарядные венцы на головах молодых, с интересом слушали проповедь, лишь иногда вздыхая и переминаясь с ноги на ногу от усталости. Семинаристы откровенно скучали, перешёптывались и подшучивали друг над другом. Они устали и ждали наступления вечера.

На вечер был заказан ресторан. Леночка впервые попала на свадьбу, она волновалась, и ей было безумно интересно посмотреть, как это – выйти замуж. Стол ломился от вкусных блюд – салаты, бутерброды, рулетики, – которые гости, рассевшись, сразу начали уплетать. Леночка оказалась за столом с родителями. Те не очень активно кушали, и девушка лишний раз стеснялась попросить подать ей тот или иной салат, поэтому попробовала далеко не все блюда.

В конкурсах она тоже не участвовала, стеснялась, хотя над другими смеялась от души. Например, когда друзья Романа Романовича изображали домашних животных. Два однокурсника брата уже успели жениться и стать священниками, кроме того, были приглашены некоторые папины знакомые, священники уже серьезные, в возрасте. И особенно удивительно было наблюдать, как эти бородатые мужи вели себя по-детски. Например, когда обычно серьезный отец Николай, папа пятерых сыновей, с пузиком, выглядывающим между пуговиц рубашки, встал на четвереньки и начал ржать как лошадь, это было очень смешно. И смущали такие вещи, наверное, только тамаду, молодую девушку, с золотым крестиком на шее, но она подзадоривала гостей и не подавала виду.

Зато, когда первый раз объявили медленный танец, настроение девушки испортилось. Во-первых, саму Лену никто не пригласил, Лёшки на свадьбе не было, а другие парни не воспринимали девушку всерьез. И во-вторых, что хуже всего, отношения Володи, друга Романа Романовича, со своей пассией явно стали серьезнее. Молодые люди откровенно прижимались друг к другу, Валя тёрлась щекой о щеку Володи, а он слишком уж властно держал её за талию, один раз даже опустил руку на попу, но после её шутливого комментария, которого Лена не расслышала, руку поднял назад и больше не опускал. Последней каплей был какой-то прыщавый юнец, родственник Юли, который к концу вечера осмелился и, чуть картавя, пригласил Леночку на танец. Ладно бы ещё юный, ладно прыщавый. Верхние пуговицы рубашки у него была расстегнуты и в глаза сразу же бросалась голая грудь. Крестика не было – молодой человек был неверующим. Леночка улыбнулась, извинилась, сказала, что у нее уже есть молодой человек, что она не может изменить, и осталась наблюдать за молодыми с места.

Несмотря на все эти неприятные моменты, свадьба Леночке очень понравилась. Яркая, живая невеста, поздравления родителей. Леночка несколько раз плакала, не в силах сдержать эмоции. Но самое главное, ей до колик захотелось так же стоять в подвенечном платье в центре храма, так же танцевать медленный танец с папой, чтобы тот благословил и передал невесту своему мужу. При этом в мечтах фигура мужа была расплывчатой.

И когда пришло время невесте бросать букет, Леночка была наготове. Она встала чуть впереди остальных, подняла руки, но букет полетел в сторону и попал к какой-то старой тетке, двоюродной сестре Юли. Та, как последняя дура, скакала от радости, визжала и никому не дала даже подержать букет. Ничего, кроме жалости и отвращения, эта сцена не вызывала.

Леночка вернулась за стол, и мама, наклонившись к уху, прошептала: «Не расстраивайся, всё это глупости. Дело же не в букете!» «Вот ещё! Чего расстраиваться! У меня всё хорошо», - Леночка пожала плечами. Но от маминых слов стало действительно легче на душе. И правда, глупость какая! Не букет решает судьбу, а Бог. Как наивно полагаться на какой-то там букет. Нужно молиться. Молиться о хорошем муже, о скором замужестве. К тому же букет мог быть знаком от Бога, что Лене ещё рано замуж. Может быть, ещё раз стоит подумать о выборе избранника, слишком уж Лёшка инфантильный. Он ещё тысячу лет не решится сделать предложение. В конце свадьбы подали торт, но большинство гостей уже были настолько пьяны, что даже и не вспомнили об этом на второй день. Зато Леночка скушала аж три куска.

На следующий день Роман Романович с Юлей уехал в свадебное путешествие — в Сочи, на море. Встретилась Леночка с братом только на первое сентября. Роман Романович столкнулся с Леной в трапезной, после обеда.

— Ну, как вы? Как семейная жизнь? – Леночка радостно обняла брата.

— Очень хорошо. Съездили, отдохнули.

— Всё, каникулы закончились, учиться вернулся?

— Нет... Я, собственно, сегодня приехал с отцом Ермогеном поговорить. Буду на заочное отделение переводиться.

— Заочное? Почему? А папа... Папа знает?

— Вот, - Роман Романович достал из папочки какой-то документ в файлике. Леночка пробежалась лишь по верхам, но уже всё поняла. Указ... Романа Романовича... Рукоположение... состоится на Покров... в соборе... митрополит Лонгин...

Лена оторвала глаза от бумажки. Рот был открыт от удивления.

— Ты... Ты решился, да? Ты ходил к Владыке? Ты будешь рукополагаться?

— Да. Сначала, на Крестовоздвижение в дьяконы. А потом, на Покрова, сразу же в священники. Владыка хочет меня оставить в Покровском соборе, где отец Леонид настоятель. Помнишь его? Ему сейчас очень нужен второй священник, один не справляется, очень большая паства, поэтому пригласил меня к себе служить.

— Как хорошо! Ты же в городе тогда останешься! Я буду к тебе в гости ездить! Хочешь? Хочешь, я буду петь у тебя в хоре!

— Посмотрим, - Роман Романович засмеялся и обнял сестру, - не торопи события. Ты же понимаешь, что я ничего не решаю. Пока мне надо лишь смириться. И пройти это величайшее из Таинств.

— А Юля? Юля... Она знает?

— Конечно же! Мы с ней это не раз обсуждали. Она первая настояла, я ещё какое-то время колебался. Дело в том, что наша поездка... Она не прошла даром. Мы ждем ребенка.

— Правда? – Леночка аж взвизгнула от удовольствия. - Я так рада за вас! Поздравляю! А кто: мальчик, девочка?

— Ну откуда ж я знаю. Ещё рано об этом говорить. Но я очень-очень счастлив, - Роман Романович поцеловал сестру в щеку.

— Расскажи мне лучше о жене. О... об этом таинстве. Что ты чувствуешь, что изменилось? Стало ли так, как говорил отец Ермоген, так, как говорит Церковь? Стали ли вы единым целым?

— Эй, что за вопросы, ты тоже, что ли, задумываешься о браке, м? Неужели Лёшка решился? – Роман Романович хитро улыбнулся и подмигнул сестре.

— Нет, что ты! Точнее... и да, и нет. Разве он решится! Но я-то думаю, я-то переживаю. Ты понимаешь, я не до конца ему доверяю. Я очень боюсь, что он не будет серьезным мужем. И еще я боюсь, что я не буду его любить, по-настоящему любить. Мы недавно разговаривали с Катей. И она сказала очень мудрые вещи. Без любви жизнь будет очень-очень трудной. И я согласна с ней. Любовь – это не то, что достигается с возрастом. Любовь – это то, что есть между мной и мужчиной здесь и сейчас. Я боюсь, что она... любовь... Она пройдет.

Роман Романович несколько секунд молчал. А затем приобнял сестру и посмотрел ей в глаза.

— Катя права. Да, без любви нельзя. Но только она со своим отрицанием Бога забыла главное. Любовь – это Бог. И без Бога любви не бывает. Да, в миру именно так. Люди влюбляются, люди расходятся. Но только не здесь, только не у нас. У нас есть самое величайшее из Таинств. Кажется, что нелогично, кажется, такого быть не может. Но венчание действительно работает. Люди ищут любовь в других людях, в кино, в общении, в выпивке даже. А она, на самом деле, в Боге. И знаешь, что я тебе скажу? Да, я так же, как ты сомневался. У меня была масса опасений. Мы не очень поладили с тещей, иногда Юля... Она слишком... Грубовата, что ли. Иногда очень властная. Мы даже, бывало, ругались. Но после венчания все разом изменилось. Мы почти не выходили из гостиничного номера, представляешь? Так нам было хорошо друг с другом. Я носил ей по утрам завтрак в постель. Я дарил ей цветы. Мы... мы стали другими. Мы стали чувствовать друг друга, мыслить одинаково. Я понимал, когда она хочет обнять меня, когда хочет попить. Это волшебное чувство, которое подарило нам венчание. Всё, всё изменилось. Так что не бойся. Уверяю тебя, ты будешь самой счастливой женой. И твой муж будет самым лучшим мужем.

— Господи, Ром... Я... я даже не знаю, что тебе сказать, - Леночка прижалась к груди брата горячей щекой, и на ее глазах выступили слёзы, — я так, так счастлива за вас. Вы с Юлей – мой идеал. Вы...

— Кстати, Юля уехала к родителям, она давно их не видела. Я хочу встретиться с Катей. Пригласить её на рукоположение. Пойдем вместе?

— Я не могу. У меня вечером послушание в швейной. Я бы с радостью, я так давно её не видела. Да и тебя. Я по вам так соскучилась. Я так вас люблю!

— Не страшно. Раз я остаюсь в городе, будем видеться чаще. Обязательно приходи к нам в гости до рукоположения.

— Обязательно-обязательно приду, беги, – Леночка обняла брата на прощанье и упорхнула в регентское отделение. Но до Покрова она с братом так и не встретилась.

Четырнадцатого октября Леночка заранее договорилась в храме, где пела, что её не будет, и собралась на службу в Покровский собор, где в честь праздника служил митрополит Лонгин. Романа Романовича должны были рукоположить в священники во время этой службы. За свой век Леночка уже не первый раз наблюдала за рукоположением, на одном даже пела в хоре, когда Владыка приезжал к ним в деревню, и служба проходила в их деревенском храме. Но, конечно же, на этот раз был особый случай. Священником становился её родной брат.

К моменту, когда Леночка доехала, служба уже началась, храм был забит. Пробриться хотя бы в центр не было шансов, поэтому Леночка осталась в притворе. Слышно здесь все было хорошо – около свечной лавки висели колонки, которые передавали службу с микрофонов, но вот видно почти ничего не было. В центре стоял Владыка, в нарядном, голубом облачении, в честь богородичного праздника. А перед ним, весь в белом, Роман Романович. Уже дьякон. Леночка издали даже не сразу узнала его. Жидкая бородка, достаточно длинные волосы, которые уже закрывали шею, но их ещё невозможно было бы собрать в хвостик, бледное лицо, сосредоточенный взгляд. Было видно, как он волнуется.

Леночка замерла в предвкушении. Странно, но почему-то именно она чувствовала себя в центре событий. Пусть никто вокруг не знал, но ведь именно её брат сейчас стоял в самом центре храма. Именно на её брата были устремлены тысячи глаз. Поэтому когда какая-то случайно зашедшая женщина стала слишком громко спорить с бабушкой, торгующей свечами, Леночка позволила себе осадить её.

— Тише вы! Служба же уже идет, а вы тут торгуетесь, как на базаре, — прошипела Леночка.

Женщина испуганно подняла глаза.

— Простите, Христа ради, - прошептала она.

— Бог простит, - Леночка кивнула, ей стало спокойнее, - и вы меня простите.

— Леночка, привет, - знакомый голос раздался где-то слева. Леночка оглянулась и увидела Катю. Впервые, после того вечера, дома, когда Катя сбежала, Леночка видела её в платочке.

— Катенька! - Лена протолкнулась через людей, случайно задев несчастную женщину, которую перед этим же попросила вести себя тише. - Ты всё же пришла! Ты такая умничка!

— Да, Рома лично просил меня быть, - Катя обняла сестру, - я не могла не приехать. Я так рада тебя видеть, очень соскучилась.

— Я тоже. Ты такая красивая в этом платке.

— Так, не начинай, - Катя вполголоса рассмеялась, - Роман Романович сказал мне, что ты тоже... Ну, тоже планируешь замуж?

— Ну и болтун! Нет, конечно. Ну, пока нет. Хотя... хочешь правду? Да, я все решила. После венчания Ромы уже задумалась. Но окончательно решила вот здесь, сейчас. Я хочу так же стоять, волноваться. Но уже за своего мужа. За Лёшку. Когда он станет отцом Алексеем.

— Ты твёрдо решила? Я ни в коем случае тебя не отговариваю. Ты умница. Но я, как старшая сестра, очень за тебя переживаю.

— Вот и зря. Зря. Я буду самой, самой счастливой женой. Нас будет венчать папа. Я так хочу. И знаешь, что я еще хочу? Чтобы на этом венчании была и ты. Это важное условие. Если Роман Романович не смог, то я помирю вас с папой. Я хочу быть самой счастливой в этот день. Хочу, чтобы ты поцеловала крест в руках папы, чтобы ты поцеловала венчальные иконы. И поцеловала меня. А я тогда тебе скажу: «Видишь, видишь? Всё получилось так, как мы задумали на венчании брата!»

— Фантазерка, - Катя еще раз улыбнулась, - ты моя маленькая любимая фантазерка. Пусть всё будет так, как ты захочешь.

— Будет конечно, - уверенно кивнула Лена и повернулась лицом к Алтарю. Началось само Таинство рукоположения.

Но ни на венчание Лены и Лёши, ни на рукоположение отца Алексея Катя так и не пришла.

Часть 3. Роман Романович

Глава 7. Исповедь

«Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа...» - громогласно возвестил отец Леонид из алтаря. Хор торжественно ответил «Аминь». Началась воскресная литургия. Огромный собор наполнился запахом ладана. Его построили всего десять лет назад, но стены уже были полностью расписаны – у отца Леонида нашлись хорошие спонсоры. Храм освещали три огромные люстры-паникадила, выполненные в старинном стиле, где электрические лампочки изображали свечи. Такая же люстра висела и в алтаре, за иконостасом. А вот возле икон стояли настоящие свечи. В левом притворе, чуть подалее от поминального стола, висела огромная старинная икона Богородицы «Покрова» — собственно, в честь этого праздника и был освящен собор. Возле этой иконы стоял небольшой деревянный раскладной столик, аналой, на котором лежали крест и Евангелие — небольшая книга, с красивой металлической обложкой, закрытая специальными заклепками. С момента покупки это Евангелие никто и не открывал. Оно было предназначено специально для исповеди. Возле аналоя стояла маленькая табуретка, на которую мальчишка-алтарник положил обычный целлофановый пакетик. В него, по традиции, все исповедующиеся складывали пожертвования.

Отец Роман вышел из левого притвора и подошел к аналою.

— Дорогие братья и сестры, все, кто планирует поисповедоваться, подходите ближе.

Роман Романович прошёлся взглядом по прихожанам. Всего человек тридцать, не очень-то много. Бабушки, две молодые пары, постоянные прихожане. Девочка девяти лет, дочка одной из прихожан, несколько мужчин. И она. Виктория.

Роман Романович поднял молитвослов и начал читать чин приготовления к исповеди. «Господи Иисусе Христе... Владыко, ослаби, остави, прости грехи... Аще же в слове, или деле, или в ведении...» После молитв он принялся читать перечень грехов. При этом опуская совсем уж идиотские, типа «Мочилась на людях и даже шутила по этому поводу» или «Имела содомский грех (совокупление с животными, с нечестивым, вступала в кровосмесительную связь)». Давным-давно отец Леонид скачал этот перечень из интернета, заламинировал и теперь постоянно читал на исповеди. Причем сам он, не стесняясь, читал перечень полностью, особо смачные места

выделяя голосом. Отец Роман собирался сделать свой список грехов, попроще, но всё не доходили руки.

Как-то после службы они с дьяконом, отцом Никодимом, перечитывали этот перечень и хохотали в Алтаре. «А вот, вот еще, смотри, - басил полненький отец Никодим, - «согрешала кражами, в детстве воровала яйца, сдавала их в магазин». Яйца-то. Почему яйца? И при чем тут магазин? Мне кажется, это что-то личное у той бабы, которая список составляла. Что-то из своей, бурной молодости».

Закончив читать, Роман Романович отложил молитвослов и обратился к пастве:

— Дорогие братья и сестры! Подходим на исповедь по одному. Называйте свои грехи, целуете Крест и Евангелие, после отходите, не организовывайте столпотворение. Те, кто планирует сегодня причаститься, на исповедь подходит первыми. Остальные – после. Дети до семи лет могут причаститься без исповеди.

Взгляд невольно упал на Вику. Молодая девушка, приблизительно ровесница Романа Романовича. Она не так давно пришла в храм. Именно ему, отцу Роману, она впервые исповедовалась полгода назад. Через Романа Романовича проходило очень много людей, чаще всего называли одно и то же, многих он тут же забывал, как только отпускал грех. Но вот её исповедь запомнил очень хорошо. Во-первых, девушка искренне и откровенно делились переживаниями, она плакала, просила у Бога прощения, рассказала о том, что её изнасиловали в пятнадцатилетнем возрасте. О непростых отношениях с родителями. О том, что до сих пор не простила свою мать и не общается с ней. После этой исповеди Роман Романович еще целый день не мог прийти в себя, он размышлял, переживал, переваривал всё услышанное. И очень боялся, что Вика больше не придёт. Но уже на следующее воскресенье девушка снова стояла в очереди на исповедь. Как же билось сердце Романа Романовича, когда Вика подошла к нему, как дрожали руки, когда он после исповеди прочитал отпустительную молитву и перекрестил девушку. Ни одним словом он не выдал своего волнения, не дал повод девушке заметить, как трепетно он к ней относится. Единственное, что отличало эту исповедь от всех остальных, стандартных, то, что отец Роман не спросил имя, а сразу прочитал: «Господь и Бог наш... Да простит ти, чадо Виктория, вся согрешения твоя...» Только по этой молитве девушка могла понять, что священник помнит её имя, а значит, скорее всего, молится о ней за литургией. После этого она бывала в храме почти каждое воскресенье. И каждый раз, даже когда не собиралась причаститься, подходила на исповедь. Вместо перечисления стандартного набора грехов девушка беседовала со священником, спрашивала совета, он ей рассказывал

какие-то духовные истории, рекомендовал книги. Иногда, когда позволяла очередь, их исповедь могла длиться до получаса.

И на этот раз Роман Романович ждал девушку с тем же трепетом в душе. Он в пол уха слушал очередную бабушку, краем глаза разглядывая Вику. Она почти каждое воскресенье приходила в разной одежде. На этот раз на девушке была лёгкая светло-зеленая юбка до пола, из-под которой выглядывали накрашенные розовым лаком пальчики ног. Еще была белая блузка с достаточно большим вырезом, а поверх головы намотан длинный шёлковый шарфик, который и прикрывал вырез на груди.

Отец Роман быстрым движением отпустил грехи стоящей возле него женщины.

— ...да простит ти чадо... имя ваше? Наталия, все согрешения, вольная же и не вольная... следующий.

Перед Викой осталась еще одна бабушка. Баба Нюра, постоянная прихожанка храма. И потом она. Девушка смотрела в пол, нервно теребила бумажку с грехами и переступала с ноги на ногу.

— Батюшка, простите меня Христа ради, согрешила. Я тут совсем гадкая стала. Ворчу постоянно. Вчера вот окошко внук открыл, я к нему подскочила, давай ругать. Бедненький. Кошку давеча на улице шуганула. Она хотела колбаски, надо было ей колбаски дать. А я шуганула, грешна, батюшка. Простите Христа ради.

— Бог простит.

Дальше баба Нюра достала листочек, на котором записала свои грехи за неделю и начала читать.

— Ворчала, ну, я уже это и сказала, ворчала. Обижалась. Надоедала. Думала о смерти.

— Что это вы? Что такое случилось?

— Да спина... Как ночью зайдет, так и начинаю уже ждать, когда наконец Боженка приберет.

— Ну-ка, выкидывайте эти мысли из головы! Чтобы я даже не слышал. Не надо думать за Бога. Раз дает страдания, даст и утешение.

— Так-то так, батюшка. Понимаю все. А бесы крутят.

— Держитесь, - Роман Романович приобнял бабушку, накрыл епитрахилью и прочитал отпустительную молитву: - Да простит ти, чадо Анна, все согрешения твоя, вольная и невольная...

Баба Нюра отошла в сторону. Краем глаза священник отметил, как старушка положила в пакет для пожертвований сто рублей. В общей сложности набралось уже около тысячи. «Мелочь, но приятно, — промелькнула мысль, - надо будет вечером выпить пива».

Подошла Вика. Она принесла с собой легкий запах духов. Чуть сладковатый, но не сильный. Запах, ставший Роману Романовичу уже знакомым и вызывавший только приятные ощущения.

Вика, не смотря священнику в глаза, наклонилась, и Роман Романович накрыл её сверху епитрахилью. Все проходило в полной тишине. Девушка развернула помятую бумажку и начала читать свои грехи:

— Чревоугодие, очень хотелось мороженого в институте, целый день о мороженом только и думала, а вечером купила и наелась в свое удовольствие.

На этих словах Роман Романович улыбнулся. Неожиданно священник посмотрел на декольте девушки, но тут же отвел взгляд.

— Много смеялась с подругами, ленилась читать утреннее молитвенное правило, не хотелось вставать раньше ради него, несколько дней даже пропустила. Ленилась готовиться к причастию, тяжело перенесла пятничный постный день, еле-еле дождалась ночи и наелась колбасы. В ванной слишком откровенно разглядывала свое обнаженное тело, нескромно прикасалась к себе. Приходили в голову гадкие мысли, снились нехорошие сны.

Дыхание у Романа Романовича спёрло. Он не раз слышал такие откровения, многие пропускал мимо ушей, но в этот раз сердце начало биться в разы чаще. В голове вместе с пульсом стучали слова. Обнаженное тело. Прикасалась. Сны. Фантазия начала рисовать что-то уж очень непристойное.

— Всё? – еле выдавил из себя Роман Романович.

— Всё.

Священник взял листочек с грехами, порвал его, положил в специально подготовленную пластиковую коробочку, накрыл девушку епитрахилью, разогнулся и начал читать отпустительную молитву.

— Да простит ти, чадо Виктория, все прегрешения, вольная же и невольная.

На последних словах девушка чуть наклонилась к священнику и щекой прижалась к его груди. Похоже, она почувствовала, как бьется его сердце. Но виду не подала.

— Целуйте Евангелие, крест. Причащаться будете?

— Если благословите.

Роман Романович благословил и отпустил. На тыльной стороне руки осталось приятное ощущение губ девушки. Впервые за полгода он не дал никакого совета. Такого не было, даже когда на исповеди собиралась огромная очередь. Он нервно обтер вспотевшие ладони о подрясник и пригласил на исповедь следующего прихожанина. Это был мужчина тридцати лет, порядочный семьянин.

Когда последняя исповедь закончилась, священник перекрестился, взял Евангелие и крест с аналая и зашел в алтарь. Он подошел к одному алтарнику и тихо, чтобы не отвлекать отца Леонида, прошептал: «Серег, возьми пакетик с деньгами. Принеси мне». Тот кивнул и убежал в притвор. Сам Роман Романович стеснялся брать пакет, это выглядело бы очень уж неприлично. Пусть исповедующиеся думают, что деньги идут на пожертвования в храм, а не прямоком в карман священнику.

— Вот, батюшка.

Роман Романович взял приятно плотный пакет, достал оттуда полтинник, отдал алтарнику. Остальное спрятал в широком кармане подрясника и присел на табуретку так, чтобы его не было видно из храма. Конечно, сидеть во время службы не очень красиво, но ноги у священника подкашивались.

Вика впервые исповедовалась вот так откровенно. Да, она уже признавалась в блудных помыслах, но как-то обычно, особенно после того, как Роман Романович узнал об ее изнасиловании, это вызывало лишь жалость. А сейчас... Сейчас это были явно эротические мысли.

Разглядывала в ванной свое обнаженное тело. Еще бы, есть что разглядывать. Красивая талия, длинные ножки. И грудь. Роман Романович был уверен, что грудь у девушки очень красивая. Нескромно прикасалась к себе. Ласкала себя? Грудь? По коже прошли мурашки. А сны... Что она имела в виду? Ей снились поцелуи? Секс? А может быть... Может быть, он? Роман Романович вдруг почувствовал прилив крови внизу живота. От неожиданности священник подскочил и тут же покраснел. Нервно оглянувшись – вроде бы никто не обратил внимания – посмотрел на свой подрясник.

Под ним ничего не было видно. Даже пакетика с деньгами. Все спокойно. Священник подошел ближе к престолу и начал молиться вместе с отцом Леонидом. Отвлекал его только полненький отец Никодим, который в шутку, проходя мимо молодого человека, то наступал ему на ногу, то дергал за край подрясника и хитро улыбался.

Молитва позволила немного отвлечься. Литургию отец Роман любил с детства. За три года службы он выучил все богослужебные молитвы наизусть, даже длинные, которые священник читал тайно, про себя. К причастию Роман Романович не готовился, поэтому, когда отец Леонид с дьяконом причащались, отошел подальше – в алтаре совершалось величайшее таинство, и он не хотел этому мешать своими грязными помыслами. Уже после причастия отец Леонид занес чашу с Телом и Кровью назад в алтарь, взял с престола крест и вышел к прихожанам.

— Ох уж этот отец Леонид, - Никодим подошел к жертвеннику, взял огромный красный плат и заправил его за шиворот, — сколько ему говорю – лей в чашу поменьше кагора. Он как бухнет – а теплоты маленько совсем. И очень уж крепко выходит. Сам-то причастится, сделает маленький глоточек. А мне теперь потреблять. Смотри – больше половины чаши. Чистого кагора. А мне ещё за руль садиться, я обещал малявку свою в зоопарк сегодня свозить. Вместо этого приду пьяный, спать завалюсь.

— Ладно, не ворчи. Это не вино, это Тело и Кровь Христовы.

— Тело-то тело. А пьяный я как будто бутылку кагора выпил, - отец Никодим тяжело вздохнул, взял чашу, ложку и начал кушать размоченный в кагоре хлеб.

Отец Леонид зашел в алтарь, закрыл Царские врата и положил крест на престол.

— Ну, отец Роман, можешь домой бежать. Молебен я сам проведу. Сегодня вроде людей много.

Молебны отец Роман тоже любил, с хорошего воскресного молебна можно было собрать две, а то и три тысячи рублей. Но когда людей в храме было много, отец Леонид служил молебны сам.

Роман Романович прошел в небольшую комнатку, алтарничную. В ней, уже сняв с себя облачение, сидели два мальчишки – Серёга и Валька.

Роман Романович снял с себя подрясник, футболку, которая пропотела насквозь, сложил её в пакет, чтобы отнести домой постирать, и надел рубашку с коротким рукавом.

— Ну, отцы, побежал я. До завтра.

— Батюшка, благословите, — алтарники подошли под благословение. Священник перекрестил мальчишек и повернулся к зеркалу. Аккуратная, почти незаметная борода. Стрижка короткая. Роман Романович сразу после рукоположения отрастил длинные волосы, но потом понял, насколько это неудобно. Надо слишком часто мыться, забирать их в хвостик и уже спустя год служения снова постригся. На всякий случай Роман Романович прошёлся расческой и вышел из алтаря. Отец Леонид освящал воду, Роман Романович обошел молящихся стороной, чтобы не отвлекать, и вышел из храма. Уже на ступеньках он столкнулся с Викой. Та стояла лицом к входу и крестилась.

— Батюшка, благословите, - Роман Романович перекрестил девушку, та поцеловала благословляющую руку. - Вы на меня... не обижаетесь?

— Обижаюсь? Почему? Вовсе нет...

— Мне так... Показалось. Вы так быстро... Вы даже ничего не сказали.

Отец Роман почувствовал, как краснеет.

— Ну, бывает... Я не специально. Я...

— Мне бы... Хотелось с вами пообщаться. Я нашла вас «В контакте». Но вы очень-очень давно туда не заходили. И... Можно... Можно мне ваш номер телефона? Я обещаю сильно вам не надоедать.

— Конечно, записывайте.

Девушка достала свой айфон и забила номер священника. «Отец Роман, Покрова».

— Спасибо. Вы точно не обижаетесь?

— Ну что ты... Вы... - Роман Романович совсем смутился.

— Спасибо, - и тут Вика неожиданно привстала на цыпочки и поцеловала священника в щеку, - вы очень, очень хороший священник и человек. И я очень рада, что познакомилась с вами.

Девушка развернулась и убежала. Роман Романович подождал пятнадцать минут, неспешно перекрестился, поцеловал поклонный крест возле храма и только потом направился домой. Чтобы уж точно не столкнуться с Викторией ещё раз.

Глава 8. Матушка

«Завтра... Уже завтра они уедут», - сквозь сон мелькнула спасительная мысль. Затем Роман Романович открыл глаза и буркнул:

— Уже встаю...

Понедельник, шесть утра. У Романа Романовича только закончилась служебная неделя. Неделя, на которой он каждый день, утром и вечером, служил в храме. В воскресенье вечером с отцом Леонидом спели акафист. Со вторника на среду – Покрова, престольный праздник. В храм должен был приехать архиерей, праздничное богослужение, на котором обязательно присутствие всех священников. Всего один день выходной. Один день выспаться. Но уже с вечера Юля начала нудить. Что Вера давно не причащалась. Что они уезжают к маме и вернутся неизвестно когда, что если не в понедельник, то уже всё, больше никогда ребенок не причастится. А перед дорогой, да без причастия, с ними непременно что-то случится. Гололед, водопад или просто все умрут. Роман Романович пытался вяло возражать беременной жене, но тщетно.

Поэтому утром, с трудом открыв глаза, он приподнялся на кровати. Вера, их двухлетняя дочка, мирно посапывала.

— Юль... Может, не будем ее будить? Смотри, как спит? Давай еще чуть... Поспим, - Роман Романович попытался обнять жену. Он прижался к её оголенному животу, в котором уже восьмой месяц развивался его сын. Имени у мальчика еще не было, решили назвать в честь того святого, в день которого ребенок родится.

— Ты... - Юля резко отодвинулась и гневно взмахнула рукой. - Тебе лишь бы поспать. Ты же священник. Ты должен заботиться о духовном развитии нашей семьи. Это ты должен был первым предложить причастить дочь! А я тебя еще уговариваю. Даже слышать ничего не хочу. Быстро вставай, собирайся в храм.

Юля поднялась с кровати. Её оголенные груди колыхнулись и с лёгким шлепком упали на огромный живот. Никакой эротики. У полусонного мужчины это вызвало только легкий приступ отвращения. Юля подошла к шкафу, накинула халат, взяла полотенце и ушла в ванную умываться.

— И не вздумай опять заснуть. Убью, - совершенно серьезно прошептала жена, перед тем, как покинуть спальню. Конечно, не убьет. Но как минимум надуется и будет еще долгое время компостировать мозг. Лучше даже не проверять. Роман Романович сел на край кровати, почесал свою бородку, затем пузико, которое за три года совместной

жизни увеличилось почти втрое. Конечно, с пузом жены не сравнить, но тоже такое, приличное. Юля периодически дразнила мужа, подшучивала, мол, кто из нас ждет второго ребенка, ты или я. На что отец Роман смело отвечал, что так и есть, в нем живет маленький Иисус Христос. Раза два шутка прошла бесследно. Но после очередной лекции от жены, что так священнику вести себя не подобает и с такими вещами не шутят, Роман Романович просто делал вид, что не замечает подколок.

Он лениво достал из-под кровати носки, натянул один и с сонным любопытством принялся рассматривать лежащий неподалеку телефон. Прислушался. Юля закрыла дверь на защелку и включила воду. Значит, минут двадцать он совершенно свободен. Роман Романович в одном носке и трусах встал с кровати и подошел к иконостасу. На самом краю, около Псалтири, заряжался айфон. Роман Романович отключил его от розетки и вернулся в кровать. Уже год как для входа в телефон на экране стоял пароль, который священник менял каждую неделю. Первое время это была просто привычка. Сейчас же ему реально было что скрывать. Шесть непрочитанных сообщений «В контакте» остались висеть еще с вечера.

Интуитивно оглянулся на дверь и открыл диалог. «Очень соскучилась», «Когда же мы наконец увидимся», «Я себе вчера места не находила. Хотела сходить в храм, но так и не решилась. Испугалась, что смогу опять увидеть тебя. Не знаю, смогу ли теперь ходить в наш храм», «Я сижу и вспоминаю нашу позавчерашнюю беседу. Я миллион лет не вела такой интересный, глубокий диалог», «Обнимаю тебя, целую, приезжай ко мне скорее».

Роман Романович вернулся на кровать и начал неуклюже, путая слова, печатать ответ. «И я очень скучаю. Юля завтра уезжает к родителям с Верой. Я сразу к тебе. Не знаю, не уверен, что останусь с ночёвкой. Но попробую. Обещаю. Не могу без тебя».

Сообщение ушло. Роман Романович нажал на имя собеседника и попал на личную страницу Вики. На фото в майке и шортах стояла великолепная девушка с лучезарной улыбкой. За её спиной прямо в море заходило индийское солнце. «Какая же она красивая, Господи, какая же она красивая...»

Отношения между молодыми людьми развивались стремительно. Уже на второй день после того, как получила телефон, Вика написала Роману Романовичу смску. Что-то очень аккуратное и благочестивое, типа «отец Роман, я безумно рада, что познакомилась с Вами, Вы лучший священник из всех, с кем я была знакома. Именно Вы привели меня к вере». Роман Романович долго не решался ответить. Он несколько раз доставал телефон тайком от жены, перечитывал смс и, в конце концов, набил:

«Спаси Господи, Виктория. Вы же понимаете, что это не я, это Бог через меня говорит с Вами». И тут же удалил историю переписки. Ничего особенного в смс не было, но почему-то Роману Романовичу не хотелось, чтобы жена увидела эту переписку. И хотя за всю совместную жизнь Юля ни разу не поинтересовалась ни смс, ни приложением «В контакте» мужа, страх все равно оставался.

Вика в ответ на смс написала какой-то очередной комплимент. Потом вопрос на духовную тему. И началась интенсивная переписка. После десятой или пятнадцатой смс молодые люди договорились встретиться. Юля как раз до конца августа жила у родителей, и священник смело договорился о встрече в пятницу вечером. Роман Романович готовился к встрече особенно трепетно. Он погладил рубашку в клеточку с коротким рукавом, триммером подстриг усы и бороду, погладил брюки, постриг ногти и надухарился туалетной водой «Адидас. Спорт» — сам он такие вещи не покупал, эту воду подарила одна прихожанка, после того, как отец Роман освятил ей магазин парфюмерии. «Какой запах вам больше нравится?» - низким голосом спросила толстенькая низенькая женщина и поднесла несколько пробников к носу священника. Роман Романович выбрал не глядя, по запаху.

Встретились в парке им. Ленина. Небольшой, с высокими деревьями и тёмными аллеями, главным его преимуществом было то, что он находился далеко как от дома священника, так и от его храма. Вика как всегда была сногшибательна. И, главное, была одета в совершенно непривычную для Романа Романовича одежду – синие джинсы с подворотом, белые кроссовки на белый носочек с оголенными щиколотками, легкая светло-зеленая блузка, волосы забраны в хвост. И никакого платка. Ни на голове, ни на шее. Обычная, светская, красивая девушка.

— Добрый день, батюшка, благословите, - девушка сложила ладошки лодочкой под благословение. Отец Роман перекрестил, и они медленно пошли вдоль аллеи. Разговаривали обо всем понемногу. Девушка рассказывала о том, как пришла к Богу, Роман Романович о быте и особенностях жизни в семье священника. Они смеялись, шутили, атмосфера становилась все легче, свободнее. И к концу вечера Роман Романович даже решился купить девушке мороженое, а она взяла молодого человека за руку. На прощание девушка снова поцеловала священника в щеку.

Домой Роман Романович не шёл, летел. Он до последнего не признавался себе, что влюбился по уши. «Это просто духовное единство, нам просто интересно вдвоём». Вечером, когда он на коленях стоял у иконостаса и читал молитву, мысли бродили далеко за пределами комнаты. И только когда капля воска обожгла пальцы, отец Роман очнулся и понял, что назад дороги нет. Не дочитав молитву, он потушил свечу,

вскочил на ноги и дрожащими руками взялся за телефон. Набрал знакомый номер и, даже не поздоровавшись, тихо пробормотал в трубку: «Я приеду?» «Приезжай», - также тихо ответила девушка. Эту ночь, первую в их отношениях, они провели вместе.

— Ты что, совсем сума сошел? – раздался повелительный голос жены за спиной. - Ты не слышишь, что Вера уже проснулась? Что ты уткнулся в свой телефон?

Роман Романович побледнел, покраснел, молча положил телефон.

— Я... Я в ванную. В душ. Сейчас умоюсь и пойдем. Одевай пока дочку.

Священник залетел в комнату, закрыл на щеколду дверь, включил посильнее воду и сел на край ванны.

— Господи, что же делать... - пробормотал он. - Как теперь жить?

После той ночи жена вызывала у Романа Романовича только приступ отвращения. Хорошо, что сейчас она беременная. А что будет дальше? Когда она родит и захочет нормальных, сексуальных отношений? Как он сможет ей объяснить, что никакого желания к этой женщине у него уже нет. Хотя... Хотя и до рождения-то. Ничего толком не было. Только встретившись с Викой, он наконец понял, что такое любовь. Что такое страсть. Что такое ждаться и желать, когда женщина погладит тебя по голове, когда обнимет.

С женой это всегда походило на какой-то договор об оказании услуг, нотариально заверенный, за подписями духовника Юли, мамы Юли, самой Юли и её верующей подруги. Причем договор носил односторонний характер, явно не в пользу священника: «просящая» сторона обязалась «дающей» исполнить некоторый комплекс услуг, как-то: помыть посуду, искупать дочь, отремонтировать кран и только при выполнении всего комплекса услуг «дающая» сторона обязалась совершить половой акт по отношению к «просящей» стороне.

Но самое страшное, в этом договоре был целый список дополнительных условий, исписанный мелким шрифтом под звездочкой. Список, который, естественно, «просящая» сторона при заключении договора не сочла нужным прочесть. А жаль. Там были очень важные пункты относительно того, по каким причинам «дающая» сторона может отказать в оказании услуги. Например, один из четырех православных постов: Рождественский, Успенский, Великий или Петропавловский. Также каждую ночь под среду или пятницу. В ночь на воскресенье. В ночь перед причастием как «просящего», так и «дающего». С учетом того, что Роман Романович каждую литургию причащался, в году на половой акт оставались считанные дни. Но на этом список под

звездочкой не заканчивался. Там были условия и похлеще. Например, «дающая» сторона имела полное право не давать во время месячных, во время беременности, с первого дня зачатия. Кроме того, в самом конце стоял пункт, который, на самом деле, перечеркивал все остальные и просто мог быть единственным. Этот пункт звучал так: «дающая» сторона имеет право отказаться от исполнения услуги без объяснения каких-либо причин.

Но и это еще не все! Дальше под звездочкой стояла не менее важная информация: ни качество, ни время оказания услуги договором не обговаривается и остается на усмотрение «дающей» стороны. И это еще не всё! «Просящая» сторона не имеет право заранее, до заключения договора, даже на prospect оказываемых услуг, даже на иллюстрацию. Грубо говоря, подписывая данный договор, «просящая» сторона покупает кота в мешке за бешеные ресурсы. И после подписания уже не имеет права договор расторгнуть.

Роман Романович глубоко вздохнул. Встал к раковине и принялся умываться. С Викторией же всё было не так. Никакого договора. Никаких обязательств. Ничего такого. Но от этого отношения становились еще доверительнее, еще трепетнее. Да что там говорить, общего между Викторией и Юлей не было ничего. Тишина, спокойствие с Викторией. И постоянное пиление - лёгкое или усиливающееся при попытках хоть как-то противостоять - со стороны жены.

Выходить не хотелось. Не хотелось видеть жену. Хотелось спрятаться здесь, в ванной и дождаться, пока семья уедет к теще. Потом выскочить и убежать.

Телефон. Как жалко, что он оставил телефон в комнате. Вдруг Вика что-нибудь написала. Скорее всего, что-то нежное и ласковое. Неожиданно внутри все похолодело. Роман Романович побледнел. Телефон остался с Юлей. В одной комнате. Телефон, на который могло прийти сообщение от Вики. Священник быстро утерся махровым полотенцем, причесался и вышел из ванной. Сердце выскакивало, но внешне он был совершенно спокойный.

Ничего страшного. Нет, Юле настолько наплевать на их отношения, что она даже не заметит никаких изменений. Она живет каким-то своим, космическим мирком, скорее всего мысленно уже у мамы, кушает свои любимые оладушки, жалуется мамаше на то, какой же у нее нерадивый муж и как он не любит свою дочь... Роман Романович почти успокоил себя, но как только он завернул в зал, руки опустились. Юлия стояла около молитвенного уголка, а в руках держала айфон Романа Романовича. Она подняла глаза и всё стало ясно. Жена прочитала переписку. Может быть, всю, может быть,

часть, не важно. То ли Юля что-то заподозрила, когда застала мужа с телефоном на молитве, то ли пришло какое-то сообщение, и она подошла посмотреть, то ли просто нелепая случайность – теперь это было совершенно не важно. Юля стояла с телефоном в руках и с каким-то незнакомым, чужим выражением лица рассматривала мужа.

— Что это? – процедила она.

— Это... Мой телефон, - Роман Романович еще пытался отшутиться. Чисто автоматически.

— Смешно. Очень даже, - и неожиданно, Роман Романович даже не успел нагнуться, телефон со всего маха пролетел над его головой, ударился с грохотом об дверной косяк и отлетел под диван. Вера в кровати заплакала.

— Уходи вон отсюда, - Роман Романович с ужасом увидел, как дрожат руки жены, - уходи к чертям отсюда.

— Юль... Подожди. Давай поговорим...

— Иди к чёрту! – Юля взвизгнула так громко, что даже Роман Романович пригнулся, пытаясь зажать уши. За все время их совместной жизни, несмотря ни на какие ссоры, Роман никогда не видел жену такой.

— Я никуда не пойду, это мой дом. И твой, Юль. Давай поговорим.

— К чертям! Тогда я уеду отсюда. И никогда больше сюда не вернусь. Ты... Ты... Ты же священник... Как? Что... - Юля села и разрыдалась. Они с Верой в два голоса, кто кого перекричит, сидели и плакали. Роман Романович растерянно помялся у входа, поднял свой айфон и вышел на кухню.

Глава 9. Испытание

— Так. С теорией все понятно. На практике-то что?

Роман Романович с Катей сидели в кафе, неспешно пили кофе и разговаривали.

— Теория? - Роман Романович растерянно посмотрел на сестру. - Какая теория?

— Ну, ты мне просто передал информацию. События. Хорошо. Точнее совсем не хорошо, но я не об этом. Что ты сам-то думаешь? Дальше делать? Как жить?

— Поэтому я и здесь сейчас с тобой, а не с Викой. Я не знаю, куда двигаться дальше. Меня разрывает. Никогда в жизни я не был в такой идиотской ситуации.

— Что Юля тебе сказала перед отъездом? Ты остановился на том, что вы поговорили. О чем конкретно? Что она хочет?

— Сложно всё. Я когда на кухню ушел, Юля плакала. Потом принялась дочь укачивать, успокаивать. Верочка снова уснула, и тогда Юля зашла на кухню и завела этот разговор, от которого у меня до сих пор мурашки по коже. Она сказала, что никогда не простит мне. С одной стороны, потому что мы венчаны, а она даже никогда не думала мне изменять. Даже не глядела на других мужчин. Но самое главное, это то, что я священник. Теперь как священника она никогда не сможет меня уважать, сказала она мне. Но ради моего сана, ради нашей семьи, ради второго ребенка, который живет в ее животе, она готова меня принять. Так и сказала – не простить, но принять. Сохранить хотя бы формальную оболочку семьи. Она сказала, что уедет к маме. И дает мне время подумать. Если я уйду от Вики и больше никогда про нее не вспомню – мы будем жить вместе. Не так, как раньше. Просто жить. Но жить. Сохранится семья. Если же я решу остаться с Викторией, Юля сделает все что в ее силах – пойдет к моему настоятелю, к архиерею, напишет письмо патриарху – чтобы меня лишили сана. Отправили за штат как разведенного священника. И, собственно, всё. На этот раз она говорила спокойно, не плакала, когда говорила, но от этого было ещё страшнее.

— Так. И? Ты снова мне излагаешь факты. Есть какие-то мысли, идеи? Что ты сам думаешь о будущем?

— Катюшк... Я не знаю, что думать. Я не знаю, что делать. Понимаю, Юля говорила все это сгоряча. Ей было больно. Но при этом она не сказала ни одного лишнего слова. Она ведь права. Я обманул её, предал. Я предал её, я предал Церковь, нарушил священное таинство венчания. Юля поступила еще по-божески. Она могла молча уйти и сдать меня. И всё... Вся моя жизнь покатила бы под откос.

— То есть ты согласен с Юлей? А Вика? Ты любишь её?

— Если бы не любил, Катя. Если бы не любил, разговора бы этого не было. В этом вся и загвоздка. Одна мысль сейчас о том, что придется и дальше жить с Юлей, что надо будет забыть... Забыть её... Меня убивает. Я не смогу, понимаешь, не смогу без нее. Без ее слов. Без её ласки. Я никогда в жизни не встречал человека лучше. Я так люблю её... Я засыпаю, у меня перед глазами её улыбка. Я просыпаюсь с ощущением её руки у себя на волосах. Это сумасшествие. Я молился, боялся, что это искушение от бесов. Но ничего не помогает. Ни причастие, ни молитва. Любовь не уходит, а только усиливается. Вика кажется мне с каждым днем все красивее, все нежнее. И

одновременно с этим Юля все дальше, она уже почти чужой человек, просто живущий рядом.

— У вас с этим чужим человеком два ребенка. Не забыл?

— Разве такое забудешь... Я люблю Веру. Правда люблю. Она моя дочь. Но Юля. Юля совсем другое. С рождением Веры она сильно отдалилась. Но тогда мне казалось, что так и должно быть, понимаешь? Мне казалось, что так живут все семьи. Где-то даже читал, мол, семейный кризис после рождения ребенка. Родители отдаляются, всё такое. Это теперь я понимаю, что мы изначально были далеко-далеко друг от друга. Чудовищно далеко. Все познается в сравнении. И вот я сравнил. Я увидел, что такое любовь и понял, что до этого никогда не любил. Вот ведь... Это же и правда бесовское искушение. Именно поэтому надо жениться целомудренным. Чтобы не с чем было сравнивать. Чтобы никогда даже не задумывался о том, правильно ли поступил. Поступил и поступил. Так уж жизнь сложилась. А эта любовь... Зачем она мне? Она только мешает жить.

— Перестань, - Катя перегнулась через стол и потрепала брата по голове, - ты сейчас это говоришь, чтобы хоть как-то успокоить себя. Как любовь может быть искушением? Бог есть любовь. А ты говоришь: бесы. Ты полюбил, ты ощутил самое светлое в своей жизни чувство. И что, неужели это так плохо? Из меня плохой советчик, и уж тем более я не буду рассматривать ситуацию с позиции каких-то там бесов, да и вообще церковных догматов. Я скажу тебе то, что чувствую. Значит, думаешь, что хорошо семьям, которые никогда не любили и даже не знают, что это такое? Но я не верю в это. Человек обречен на любовь. Душа просит этого чувства. Можно убеждать себя, идти на компромиссы. Молчать, когда плохо, трястись от недопонимания и нелюбви. И терпеть, терпеть, терпеть. Но если вдруг любовь настигает – а она может настигнуть в любом возрасте, и я считаю, что тебе еще повезло, любовь пришла пока ты молодой – ты никуда не денешься. Жизнь, представь только, вся длинная, мучительная жизнь, в которой ты выстроил какие-то схемы, цели, задачи, вдруг покажется никчёмной и бессмысленной. Ты же мой брат. У нас с тобой одна кровь. Горячая. И душа у тебя болит так же, как у меня. Кажется мне, ты не из тех, кто будет терпеть. Ты добиваешься своей цели. А молчать – значит проиграть. Значит сдаться. Раньше было плохо, теперь станет еще хуже. И ты все равно не выдержишь и уйдешь от жены.

Роман Романович задумчиво теребил пуговицу на рубашке и молчал. Катя тоже замолчала. Оглянулась. Подозвала девушку.

— Можно нам еще чайничек чая? Спасибо.

Роман Романович поднял глаза на сестру.

— Думаю, ты права, Катюшка. Это очень непростое решение. Но ты права. Я не смогу с женой. Даже не так. С женой я бы еще смог, я же люблю дочку. И сына буду любить больше жизни. Но я не смогу уже без Вики. Я не могу без её любви. Без её понимания. И я не прощу себя. Каждый день просыпаться с нелюбимой женщиной. И думать о той, которую бросил... Ты права. Это невыносимо.

Катя кивнула. Разлила свежесваренный чай по кружкам. И молчала.

— Но я не знаю, что делать, - Роман Романович отпил из своей кружки и снова принялся тереть пуговицу, - я не знаю, что делать.

— Может попробовать поговорить? С архиереем? Ведь бывают же исключения. Он сможет закрыть глаза на то, что ты развелся. И будешь служить дальше. Кроме того, можно попробовать поговорить через папу. У него хорошие связи. Папа может помочь.

— И над этим я думал, правда. Ну, не то, чтобы думал, - Роман Романович как будто испугался своих же мыслей, - не всерьез, конечно. Так... Иногда. Еще до того, как Юля прочитала... Всё узнала. Папа слишком правильный. Он не пойдет на это. Да и архиерей закрывает глаза, когда священник разводится без скандалов. А Юля... Ты мало знаешь Юлю. Она не тихоня какая-то, которая будет плакать в платочек. Если она сказала, что наступит на меня – видит Бог, она так и сделает. Мало того, она душу продаст, но добьется, чтобы у меня ничего не осталось. Ни денег, ни имени. Ни детей.

Роман Романович поёжился.

— Ром, я не умею говорить тёплые слова. Я не очень-то... подкована. Но я знаю. Ты справишься. У тебя такая живая душа. Ты такой хороший... У такого хорошего человека не может быть плохая жизнь.

— Спасибо тебе, Катюшк, за поддержку. Ты всегда поддерживаешь в трудную минуту. Ты лучшая сестра. Самая лучшая.

— Эй, ну-ка не говори ерунды. Леночка бы тебя слышала, подзатыльник бы тут же получил!

— Получил бы... Понимаю, что не так просто всё в этой жизни. Но твои слова отозвались у меня в душе.

— Подумай, конечно. Я просто показала тебе картину своими глазами. Я бы попробовала. Начать новую жизнь, по любви. Если все действительно так, как ты описываешь. И Вика готова принять тебя вот такого, без сана, с двумя детьми.

— Готова?.. Думаю, да. Она готова принять меня женатого, она ни на что не рассчитывает. Она просто любит. Мне иногда кажется - она святая. Она... Ну, она идеал, понимаешь?

— Понимаю, влюбленный мой идиот. Думай. Думай.

Роман Романович вернулся домой затемно. Он бродил по городу, надев наушники, и обдумывал. В голове играла песня Непомнящего. «Я... не верю ни во что... Солнце... горит во мне...». Параллельно песне воспоминания - слова Кати, разговор с Юлей. Вспомнилось утро, пытался понять, что сделал не так, как можно было бы избежать скандала. Несколько раз даже брал телефон в руки, намереваясь написать Вике, держал, крутил, пока руки не замерзали, клал его обратно в карман и продолжал свою прогулку. Подходя к дому, в первую очередь он посмотрел на окна своей квартиры. Впервые за несколько лет в них не было света. Его никто не ждал.

С тревожным сердцем Роман Романович открыл дверь и зашёл в темный коридор. Квартира показалась чужой, даже от звука шагов раздалось эхо. Но только до тех пор, пока он не включил свет. Вместе со светом на него обрушился домашний уют. Вот детская кроватка. Подушка еще примята, как будто на ней только-только лежала головка дочери. На полу разбросаны кубики. А на диване любимый Верин зайчик. «Я-я», - звала игрушку дочка. Верин Я-я. Любимый Верин Я-я. Как же она без него сейчас? Наверное, ложится спать и просит у мамы: «Я-я. Дай». А Юля даже и не понимает, скорее всего, о чем речь... Я-я остался с папой... Роман Романович сел на край дивана и схватился за голову. Пальцы прошли по волосам, тело сотряслось от рыданий. Не совсем понимая, что делает, Роман Романович обнял зайца и упал на диван. Он обнимал любимого Я-я и плакал. Обнимал и плакал.

Сколько времени они так лежали, священник не заметил. В конце концов, он поднялся на ноги и прошёл на кухню. Вскипятил чайник, налил кружку чая и сел у окна. Надо было что-то решать. Надо было что-то делать.

Священник взял в руки своей айфон и в очередной раз решился написать Вике. Как ни странно, та ничего не писала сама. Хотя еще утром они договорились о встрече. Как будто чувствовала. Да почему как будто? Так и было. Мистика, но Вика и правда чувствовала своего мужчину. Они даже иногда договаривали друг за другом мысли. Она знала, как утешить. Она знала, как поддержать.

— Испытание... Господи, да за что же мне такое испытание? – на глазах снова выступили слезы. - Нет-нет. Надо успокоиться. Надо привести себя в порядок. Роман Романович снова отложил айфон, допил чай и вернулся в комнату. Его трясло, но он взял в руки Псалтырь, встал на колени около иконостаса и принялся читать с первой кафизмы. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь», - Роман знал эту кафизму наизусть. Блажен муж, который на путь грешных не встал. Как же актуально прозвучали эти слова.

В этот раз молитва пошла легко. Священник хотел прочитать лишь первую кафизму, но в итоге простоял на коленях около иконостаса больше часа. Псалтырь лечила его душу, от её священных слов становилось спокойнее. Откуда-то появилась решительность. Когда Роман Романович поднялся с колен и отложил книгу, слез уже не было. Он вернулся на кухню, налил себе еще одну кружку чая и снова взял в руки айфон.

«Милая моя Вика, - начал писать он, - я очень рад, что познакомился с тобой. Ты сделала меня счастливым и ни с кем никогда мне уже не будет так же хорошо, как с тобой. Но и ты пойми меня и прости. Я священник. Я семьянин. И я не могу оставить свою дочку. Слишком многое нас связывает. Я не могу оставить сан. Но и служить, находясь в таких отношениях, тоже не могу. Я очень люблю тебя. Но нам надо расстаться. Нам нельзя больше видеться никогда. От этого будет только больнее. Прости меня. То, что ты понимаешь меня, я даже не сомневаюсь. Поэтому не прошу понять. Только простить».

Священник нажал кнопку отправить. Сообщение несколько секунд было серым, а затем побелело – значит, на той стороне его прочитали. Еще несколько секунд Роман ждал ответа, но ответ так и не последовал. Да и кого обманывать, Роман Романович настолько хорошо чувствовал Вику, что знал – она не ответит. Она всё приняла, все поняла. И из-за своей сильной любви больше никогда не появится в его жизни.

Роман Романович налил себе еще кружку и насыпал сахар. Похоже, ночь предстояла бессонная.

Часть 4. Отец

Глава 10. Прошное

— Катя, мама не хотела... Ну, не хотела тебе говорить. Но я понимаю, что нельзя не сказать, - в трубке всхлипывал голос Леночки. В сердце Кати закрался холодок.

— Тихо, успокойся. Что случилось? Чего ты? Ты ревешь?

— Катя... Отец. Отец умер.

В трубке раздались гудки, но Катя стояла как вкопанная с трубкой около уха. Она пыталась осмыслить только что услышанное. Какой-то безумный, бесконечно длинный, неприятный день. День, который вдруг разом решил свалить всё прошлое и пережитое.

Началось все со звонка Егора. Часов в десять утра айфон на столе завибрировал, Катя несколько секунд смотрела на незнакомые цифры номера звонившего, затем взяла и уверенным, поставленным голосом ответила:

— Доброе утро, Екатерина Романовна у телефона.

— Доброе утро, Екатерина. Романовна, - отчество Егор произнес с усмешкой, дав понять, что звонок явно не официальный.

— Кто это?

— Это Егор, привет.

— Какой Егор?

На той стороне трубки замолчали.

— Хм... Хороший вопрос. Какой... Чёрт его знает, какой.

— Так, Егор, кто бы вы ни были. Мне совсем некогда. Если вы просто пошутить – давайте с кем-нибудь другим.

— Екатерина Романовна, - сбоку нагнулась молоденькая девушка, секретарь генерального директора, - подпишите, пожалуйста, акты.

— Это Егор. Семинарист. Помнишь, мы познакомились через «Православные знакомства»? Ты еще ко мне в город переехала. Из деревни, помнишь?

Катя вспомнила. На нее нахлынула целая буря чувств. Скорее неприятных.

— Секунду, Леночка, - уже секретарю, - сейчас посмотрю. Вы там визитки ушли, я просила?

Леночка кивнула.

— Егор, я поняла, - уже в трубку, - слушай, мне сейчас некогда. Давай я в час дня пойду обедать. И где-то в это время позвони, хорошо? Поговорим.

— Хорошо, договорились. Екатерина Романовна... Звучит. Созвонимся.

Катя взяла документы, пробежалась глазами по диагонали и подписала. Затем откинулась на стуле и прикрыла глаза.

Егор... Прошло почти десять лет с того дня, как она уехала из родной деревни. «Из-за меня - сказал сейчас по телефону этот идиот. Из-за меня. При чем здесь он?»

После того, как Катя оказалась в городе, она практически прервала всякое общение со всем окружением – с друзьями, близкими, родственниками и друзьями родителей. А было тяжело. Очень тяжело. Одна, в незнакомом городе, она даже никогда до этого не работала. Ей нужна была поддержка. Хотя бы моральная, чтобы просто кто-то взял за руку и сказал: «Кать. Ты справишься. Все будет хорошо. Ты приняла верное решение». И она договорилась с Егором о встрече.

Он пришел весь расфуфыренный, в чёрных брючках от семинарского костюма, в начищенных туфельках, с тремя красными розами. Пригласил в кинотеатр. Смотрели какую-то идиотскую американскую комедию. Во время просмотра Егор как-то совсем неловко и не к месту опустил руку Кате на колено и попытался залезть под юбку. Это вызвало не столько отвращение, сколько приступ смеха. Катя аккуратно отодвинулась, вернув руку молодого человека на место, но вечер был окончательно испорчен. Вечером Егор проводил Катю до остановки, сказал, что просит прощения, до дома не успеет, он должен вернуться в семинарию до отбоя. Но этому тогда Катя не придавала особого значения. Точнее, она была даже рада – только-только ей удалось снять комнату в общежитии, на двоих с какой-то непонятной теткой. Условия были настолько ужасны, что показывать дом даже снаружи, даже подъезд, Кате не хотелось.

После этого Егор с Катей несколько раз встречались, на следующем свидании он еще принес цветочек, к концу вечера попытался поцеловать девушку, на следующем уже оставил все попытки. К концу вечера пробормотал что-то типа: «ну я знаю, ты же хочешь стать матушкой. Жаль, что в семинарию не поступила. А то бы... Ну... Женились бы...» После этого Катя устроилась на подработку в магазин в ночную смену, и встречаться с Егором было некогда.

Сейчас, спустя десять лет, время было. И квартира, уже своя, аккуратная и недалеко от центра. Не было никакого желания встречаться. Прошлое осталось в прошлом. Сейчас

она успешная, деловая женщина, начальник отдела продаж огромной торговой сети. Зарабатывает хорошие деньги. А он? Катя аккуратно, так, чтобы не сильно привлекать внимания коллег, достала айфон и вышла «В контакт». Страничка Егора. Вот уже десять лет он состоит в списке её друзей. И когда, скажите на милость, она последний раз заходила к нему? Пять лет назад? Шесть? Катя не помнила.

Егора стало почти не узнать. Высокий, лысоватый, с вылезающим из-под клетчатой рубашки пузиком. Вот он где-то на море в трусах. Мерзкие, отвисшие груди. Волосатое пузо. Блестящие, лоснящиеся щеки. А вот он с сыном в зоопарке. Семейный статус: в активном поиске. Да, похоже, поиск настолько активный, что решил вспомнить старую любовь. Красавец. «Дичь какая-то», - пробормотала девушка. Катю передёрнуло, она убрала телефон в сумку и направилась на планерку к генеральному директору.

Заседание выдалось жарким, продажи за неделю упали аж на три целых тридцать восемь сотых процента, влетело всем по первое число. Аркадий Семёнович настоятельно орал, требовал от Кати найти и наказать виновных, исправить ситуацию, но в итоге она выдвинула достаточно интересный проект, который всем отделом разрабатывали почти месяц, генеральный успокоился, дал резолюцию на исполнение и забыл о виноватых.

И только Катя обсудила планерку со своими менеджерами по продажам, поставила приоритетные задачи, позвонил телефон. Без особого интереса, ожидая снова увидеть номер Егора (последние две цифры тридцать семь), она посмотрела на экран. Но не угадала. Звонила Леночка.

— Ладно, коллеги, я пообедать. Если вдруг что-то случится, звоните, — Катя вышла из кабинета в коридор и взяла трубку.

— Привет, сестренка. Давненько что-то мы не созванивались. Как жизнь твоя?

И тут Леночка произнесла ту самую фразу. Про смерть отца. И положила трубку. Катя замерла посреди коридора, не понимая, что же делать дальше. Она с недоумением рассматривала белый корпус айфона – внешне совершенно спокойная, уверенная себе, но внутри переломанная и трясущаяся девочка семнадцати лет.

Отец. Она принципиально не спрашивала о судьбе отца ни у Романа Романовича, ни у Леночки, ни у мамы. Ни разу за десять лет. И тут... Конечно, мама не стала звонить. Да и зачем? Она как никто другой понимала, что Катя не поедет на похороны отца. Хотя... Ну хотя бы для того, чтобы знать. Ведь он... Он отец. Катя тряхнула головой, положила телефон в сумочку и вышла из офиса на улицу. Что делать? Что делать с этой

информацией? Просто выкинуть из головы, забыть? Или все же. Стрельнула мысль: как там мама? Как она это перенесла. И пришел единственный верный ответ: надо маме позвонить. Если мама сама не позвонила, это не значит, что она бы не хотела поговорить с Катей.

Мама подняла трубку с первого же гудка.

— Привет, дочь. Давно не звонила. Как ты? – раздался родной голос. Чуть в нос. И в конце мама шмыгнула. Как же давно Катя не звонила маме. Даже с Леночкой они созванивались чаще. Мама... Мама стала какой-то отдушиной для девушки, тогда, десять лет назад. Единственным спасением. Она от Романа Романовича узнала номер телефона Кати и постоянно ей звонила. Если бы не помощь мамы тогда – и материальная, и моральная поддержка – Катя бы не справилась. Были моменты, когда девушка закрывалась в туалете, бесшумно рыдала и успокаивалась только, когда принимала решение – надо позвонить маме. Мама поможет. И мама правда помогала. Всегда. И вот пришло время отдавать долг. Теперь помощь нужна была маме.

— Мам. Ты плакала?

— Ай, ничего страшного. Так, мелочи. Как ты? Как твои дела? Что у тебя на работе? Как там Федя твой?

Феди никакого не было. Уже полгода как.

— Мам, мне звонила Лена. Она все мне рассказала. Зачем ты пытаешься скрыть?

— Ох... Катюшк... - мама не выдержала и начала плакать в трубку. - Я не хотела бы тебя беспокоить. Ты... Ну, у вас с отцом были странные отношения. Да что врать. У вас не было никаких отношений. Я думала... Я подумала, ты не захочешь знать.

— Не важен отец. Мне важна ты. Я за тебя переживаю.

— Я хорошо... Сегодня. Сегодня утром отпевание было. Прошло. Были друзья все. Отца. Приехал Рома. Тоже участвовал в отпевании. Леночка должна сегодня приехать. Днем.

— А я?

Неожиданно телефон завибрировал. Параллельно с мамой пытался дозвониться Егор.

— Чёрт бы тебя драл, - процедила девушка.

— Что? – переспросила мама.

— Это я не тебе, мам. Мне тут параллельно звонят. Я говорю, может быть, мне приехать?

Катя произнесла это в запарке, даже не задумываясь о смысле сказанного. Сказала и сама замерла. Сердце упало в пятки. И только одна мысль: мама, скажи, что не надо, скажи, что лучше тебе не приезжать. Потому что приехать, это... Это почти что умереть... И Катя, конечно же, не готова к этому.

— Да, я бы очень хотела тебя увидеть, - мама даже перестала плакать, - мы не виделись почти десять лет, дочь. Я так соскучилась. Теперь, когда отца нет... Тебе ничего не мешает вернуться.

И тут она была права. Практически одной фразой обрубилa все возможные пути отступления. Ничего лишнего. Снова телефон завибрировал. Егор. Чёрт бы его побрал.

— Хорошо, мам. Я приеду завтра. На все выходные. Будет где переночевать?

— Ну конечно! В твоей комнате тебя и положу. На твоей кровати. Она до сих пор стоит, представляешь? Там сейчас на Ленином месте Настенька спит. А вот твоя кровать пуста пока. Ох... Вы ведь с Настенькой, считай, и не знакомы. Она... Она даже не знает о твоём существовании, представляешь?

Катя вздрогнула. Снова, уже пятый или шестой раз за этот проклятый день, прошлое больно отзывалось где-то в глубине... В сердце? В душе? Катя не верила в душу. Не верила в Бога. Но боль была реальной. Откуда-то изнутри.

— Мы что-нибудь ей сохрем. Скажем, что дальняя родственница.

— Нет, родная, не хочу врать. Не хочу больше врать. Приезжай. Тебе все будут рады. Я. Я в первую очередь. Я очень хочу тебя обнять, - мама снова заплакала. Катя, не ожидая от себя, вдруг тоже разрыдалась. Она не плакала уже много лет. С тех далеких, юных лет, она дала себе обещание никогда не плакать. Ни при каких обстоятельствах. И сдерживала слова несколько лет. Ни расставание с любимыми мужчинами. Ни предательство друзей. Ни даже физическая боль – ничто не позволило нарушить обещание. Катя держалась и не плакала. А тут вдруг – прошлое нанесло удар за ударом, некоторые совершенно уж подлые, под дых. И девушка не выдержала.

— Мам, я так соскучилась, так сильно... Я... Я приеду. Скоро увидимся. Пока, - Катя положила трубку, прислонилась спиной к стене и потихоньку сползла на бордюр, закрыв лицо руками.

— Екатерина Романовна, что случилось? – Вера. Её сотрудница. И, похоже, не одна. Пошли обедать и наткнулись на нее. Дура, надо было отойти куда-нибудь в сторону.

Катя подняла заплаканные глаза, пыталась придумать какую-нибудь ложь. Но вместо этого пробормотала.

— Мама звонила. У меня отец умер. Надо будет завтра уехать. Отпроситься.

Девушки побледнели, но молчали.

— Идите кушать. Я не очень-то люблю, когда за мной наблюдают. Тем более, если потекла тушь. Мне придется уволить всех свидетелей этого позора.

— Екатерина... Романовна... Держитесь, - Вика пробормотала, и девушки быстро скрылись.

— Дура же я, - Катя поднялась с тротуара. Оттряхнула брюки, достала влажные салфетки и попыталась вытереть глаза.

Надо зайти в туалет, привести себя в порядок и идти к Аркадию Семёновичу. Завтра пятница, так что можно отпроситься на три дня. И после выходных выйти на работу. О понедельнике было думать проще, чем о предстоящей поездке. Понедельник был привычным, можно даже сказать любимым. Возвращение же в прошлое не сулило ничего хорошего. Судя по тому, как это прошлое напало и вцепилось ей в самое нутро уже сегодня, уже сейчас, завтра ничего лучше ждать не приходилось. Настя, Лера, Володя... С ними Катя не общалась. Настя даже не знает о ее существовании. Девочке десять лет. Взрослая, красивая, вот-вот переходный возраст – Катя видела её взросление лишь на фотографиях. Десять лет назад Настя только училась ходить. Настя называла сестру Няней. Из всех детей Настя признавала только Катю, у ребенка было только два человека, которым стоит доверять – мама и няня. Остальных Настя боялась. Они с Катей как раз играли в кубики, и вот неожиданно Настенька поднялась. Протянула руки и с радостным воплем «Няяяняяя», нелепо перебирая ножками, неуверенно двинулась в сторону сестры. Господи, как же давно это было... На глазах снова появились слезы.

Но очередной приступ рыданий прервал звонок Егора. Катя подняла трубку.

— Привет. Мы договорились в обед, вот я и звоню. Ты освободилась, можешь поговорить?

— Егор. Мы не общались восемь лет. Что ты хочешь? Зачем ты позвонил?

— Ну, ты же сама ответила на свой вопрос. Мы не виделись восемь лет. Нам есть, о чем поговорить. Твоя жизнь изменилась, моя тоже. Много новостей, есть что обсудить.

— Ты правда думаешь, что нам есть о чем поговорить?

— Конечно! У нас же общее прошлое. У людей, у которых общее прошлое, всегда есть что обсудить.

— Я ненавижу своё прошлое, Егор. И нет, думаю нам с тобой не о чем разговаривать. Я бы хотела казаться милой и сказать что-то приятное, мол, ты умница, хороший, но мне некогда и не хочется видеться. Но сегодня у меня нет настроения быть милой. Поэтому послушай и запомни раз и навсегда. Всё, всё, что связывает меня с моим православным прошлым, в том числе ты – мне неприятно. Я не хочу это вспоминать, я не хочу это ворошить. Поэтому самое лучшее, что ты можешь сделать – исчезнуть из моей жизни раз и навсегда и больше никогда не появляться. Идёт?

На той стороне трубки воцарилась тишина. А затем длинные гудки. Егор бросил трубку. Значит, понял, цель достигнута.

Каты выдохнула. Она ни словом не соврала. Ворошить прошлое ей действительно не хотелось. Но, судя по всему, придется это сделать. В конце концов, мы далеко не всегда делаем то, что нам хотелось бы. Катя поправила пиджак, брюки, и направилась назад в офис. К Аркадию Семёновичу.

Глава 11. Счастье

— Черт бы их драл, советчики. Все всё знают, все всё умеют, - молодой человек аккуратно оглядывается, окидывает взглядом полупустой вагон электрички и отпивает из чёрного пакетика пиво. Катя наблюдает за ним уже почти час. Час дороги до родной деревни. Чем пьянее становится молодой человек, тем больше он уходит в себя и все больше говорит что-то вслух. «Только бы не полез знакомиться», - Катя морщится. Сейчас ей совсем не хочется новых знакомств.

В вагон заходит полненький мужчина. С огромной черной сумкой.

— Пиво, чипсы, мороженое, минералка, - заученно-замученным голосом произносит он. И тут Катю бросает в дрожь. Она знает этого мужчину. Не лично. Она знает его, потому что он и десять лет назад, давным-давно, еще в прошлой жизни, так же ходил и продавал мороженое. И пиво. Господи, какой контраст! Она за эти десять лет прожила целую жизнь. Из маленькой, боевой девочки она превратилась в серьезную,

респектабельную девушку. А этот пузатик... Всё тот же пузатик. Даже как будто и старше не стал.

— Пиво есть? – молодой человек останавливает бесменного продавца мороженым на полпути. — Дайте мне бутылочку.

Неожиданно парень поворачивается к Кате:

— Хотите, пивом вас угощу?

— Нет, спасибо.

— Хорошо. Не пейте лучше. Вы красивая очень. Вы, наверное, домой едете?

Катя в ответ лишь кивает и отворачивается к окну. Молодой человек продолжает беседу, но уже сам с собой.

— Да... Дом с одной стороны хорошо. Дом – он родной. Но с другой... Живут они там. Живут, умничают. И ведь как бывает – чем хуже, мать их, жизнь прожили, тем больше умничают. Сами, сами-то, дел натворили, наломали дров. Себе, близким, всем. Всем жизнь испоганили. Но умничают! Я ведь как думаю... Я думаю, потому и умничают. Потому что постоянно переживают свою жизнь, переваривают, передумывают, как можно было бы исправить. Что надо было сделать по-другому. И чем больше думают, тем больше закапываются. Удачливые, счастливые люди, они живут и всё. Советы не раздают. Они знают, как жить. Главный совет у них – не лезь. У каждого своя голова. А неудачники? У них же всего один ответ. Только вот эдак можно сделать. А по-другому нельзя. И ломают. Окружающих. Ходят, переживают. За себя-то уже устали, за близких переживают. И давят. Насилуют, считай. Требуют. Делай только так. Делай только так. Вот как видишь старую бабу, которая умничает – делай только так – вот сразу можно сказать, к гадалке не ходи – обязательно жизнь профукала. Мужа в гроб свела, детей потеряла – разъехались. Вот она и умничает. Она вот сначала мужа в могилу свела. Потом за дочь свою взялась. Потом за меня. Потом за детей наших. А зачем... А все ведь с отца началось. Надо было бежать... Вот у вас отец есть?

Вопрос оказался практически под дых. Катя повернула резко голову: «Нет... Нет, отца нет», - и побледнела.

— Вот! Все с этого начинается. А потом она и тебе на голову сядет, - молодой человек снова ушел в себя.

Катя поднялась и пересела на другое место, чтобы не слышать эти идиотские размышления. Только чужих семейных проблем Кате сейчас не хватает. До деревни

еще час ехать. В двенадцать дня она будет на месте. Похороны прошли еще вчера. Сегодня гости должны были разъехаться. И останутся только самые близкие.

На самом деле так и было. Роман Романович вернулся со службы домой и удивился, какая же тишина воцарилась в доме. После ужасных, каких-то невероятно тяжелых дней – отпевания, похорон, поминок – сегодня был первый тихий день.

Отпевать своего отца... Читать заупокойный канон не по каким-то чужим людям, а над гробом отца... Не пожелаешь и врагу. Но, как ни странно, за все это время Роман Романович не проронил ни слезинки. Может быть, он привык к отпеваниям, для него это был один из стандартных чинов, а может быть, потому что с отцом они последние несколько лет практически не общались. Да и что врать — практически не виделись. Когда шло прощание, Роман Романович наклонился над гробом, но так и не поцеловал отца на прощание. Не смог себя пересилить. И сейчас, сидя дома, он уже как будто забыл, ради чего собралась вся семья. После второй рюмки он уже начал отшучиваться, рассказывать, как маленький Макар нелепо передразнивает старшую сестру, а та злится на братика. Мама волнуется. Она садится, встает. На ней чёрный платок, тёмное платье.

— Мам, - это Лена подает голос, - садись, выпей с нами. Тебе полегче станет.

— Давайте уже Катю дождемся. Она вот-вот должна подъехать.

Лена улыбается.

— Наконец-то вы с ней увидите.

Мама молча кивает. На лице нет и тени улыбки. Раздается легкий стук в дверь. Мама вскакивает со стула и уходит в прихожую.

— Как думаешь, заплачет или нет? – тихо шепчет Роман Романович сестре и улыбается. Та улыбается в ответ и кивает. - Конечно, заплачет. Давай еще по рюмочке.

Они выпивают. В комнату заходят Катя с мамой. Мама утирает слезы. Катя не плачет, но и она растеряна.

— Катенька! – Лена вскакивает, крепко обнимает сестру. - Я очень рада, что ты приехала. Ты не представляешь, как хорошо!

— Спасибо, Лен. Спасибо, что позвонила. Если бы не ты...

— Ну что ты! Я же всё понимаю.

— Водочку будешь? – Рома, не дожидаясь ответа, разливает на четыре рюмки. Выпивают.

Мама улыбается, любит на дочь.

— Давай я тебе наложу покушать, ты проголодалась. Настя сейчас со школы придет, я вас познакомлю. Рассказывай, как ты. Как жизнь твоя. Как твой молодой человек?

— Мам, - Катя после рюмочки чуть расслабляется, - никакого молодого человека нет уже полгода как.

— Ну вот! Катюшка! Взрослая девка, ну и что? Когда замуж-то? Что же, всю жизнь в девках? Теперь вместе будем, сможем свадьбу в деревне отыграть! Вон, всю семью соберем!

— Мам... Я не хочу об этом. Я подумывала наоборот забрать тебя в город. Тебя сейчас тут ничего не держит. Настю может в школу нормальную отдать.

Мама мрачнеет.

— Куда я уже из этой деревни, дочь? Мне не пятнадцать, как тебе было. Да и что возраст... У меня теперь тут отец. И дом. Куда я отсюда?

— Ну а что, — Роман Романович поддерживает разговор. Щеки покраснелись, он прилично принял, - я поддерживаю Катю в этом вопросе. Давай заберем тебя, м? Будешь помогать Юле нянчить детей.

— Ой, нянчить он будет, - подтрунивает Леночка, - они у тебя от тещи не вылезают.

Роман Романович испуганно поворачивается к сестре и так, чтобы мама не заметила, крутит пальцем у виска. Мол, чего ерунду несешь, зачем маме-то об этом знать. Но мама не обращает внимания на реплику дочери.

— Нет, Катюшк, никуда я уже отсюда. Просто будешь почаще ко мне ездить, будем общаться. Да и в гости я с радостью приеду. Это не проблема.

Вроде бы не проблема. Но все в комнате понимают – этот разговор шит белыми нитками. Завтра-послезавтра участники беседы разъедутся и будут жить, как и жили раньше, разговор останется в памяти как приятное воспоминание. Как некоторая альтернативная реальность. Мы могли бы, скажет себе каждый, могли бы, но чувство долга, ответственность, да и просто правила жизни – все это довлело. Мы не могли ничего изменить.

Выпили еще, поели, разговаривали на какие-то общие темы, Роман Романович травил какие-то шутки, истории из жизни. Со школы вернулась Настя. Катя обняла девочку, но не заплакала. Настя, в свою очередь, явно чувствовала себя неуютно. Она быстро пообедала и убежала к себе в комнату, объяснив поведение тем, что ей нужно учить уроки. Хотя все понимали, что дело идет к субботе и уроков никаких не было.

К шести часам вечера Роман Романович с Леной достаточно крепко набрались. Разговор не клеился.

— А пойдём я тебе комнату покажу. Твою, – неожиданно предложила мама Кате. Та согласилась. Маме хотелось поговорить с дочерью один на один.

— Ещё водки будешь? - Роман Романович, как обычно, сначала налил, потом спросил. Леночка в ответ только кивнула.

— По твоей муське я поняла, что с Юлей у вас всё как всегда?

— Хах, по муське она поняла. Нормально у нас всё. Ну как... Все как было, так и осталось. В какой-то мере, особенно в моем положении, стабильность – это хорошо. Ты-то сама почему одна? Где твой муж?

— Объялся груш, - процедила Леночка, - служит он. Выходные. Пятницу тоже.

— Хм... Что-то по голосу мне кажется, опять поругались?

— Да ты прозорливым стал, старец. Это после того, как с Викой потискался?

— Давай, давай, язви. Сразу легче станет. Что не у тебя одной все плохо. Я батюшка терпеливый. Можно выливать.

— Да ничего я выливать не хочу, - Леночка выпила рюмку, поморщилась, закусила, - не хотела я тебя обидеть. Прости.

— У тебя и не получилось. Рассказывай давай. Что там у вас.

— Плохо все, - Леночка махнула рукой, - уже почти два месяца не спим вместе. И общаемся. Через «иди к черту». Я вроде бы убеждаю себя, мол, муж мой, любила же его. Когда-то. Свадьбу когда гуляли. Венчание, помню, я счастливая такая была. Фото посмотрю, взгрустну. Пойду мириться. А этот урод вместо того, чтобы обнять, принять извинения, сразу же, прям без одного ласкового слова, начинает ныть: «Итак, Лена, пока мы были в ссоре, я все обдумал. Теперь у нас будут новые правила».

Представляешь? Правила он мне начинает диктовать.

Роман Романович не выдержал и расхохотался.

— Вот! Ты ржёшь. А я, значит, стараюсь помириться, молчу. Всерьез его слушаю. А он дичь несет. Во-первых, говорит, по четвергам я бы хотел борщ. Почему ты мне совсем суп не готовишь. Хорошо... Будет тебе, мамкина сумка, борщ. Не нравится, говорит, как ты мне подрясник гладишь. Надеваю, говорит, а там от свечи капля осталась. Тут уже я закипать начинаю. Ну что, трудно взять утюг, бумажку и прогладить. Вот тебе Юля гладит подрясники?

— Ну... Бывает, когда дома. Но давненько не гладила. Сам...

— Вот! Ну и ладно же. Я же глажу. Ну хотя бы и пропустила. Или капнул ты себе свечой, ну прогладь сам. Не ной. Нет же! Ох, зла не хватает. И бородка жиденьякая его. Ты не представляешь, как раздражает в такую минуту. Стоит и свою бородку поглаживает. Так и вижу, как его прихожанки на исповеди стоят и молятся на его эту козлиную бородку. Ах, какой батюшка! Ах, какой хороший!

Роман Романович снова не выдерживает и хохочет.

— Ну чего, чего смешного?

— Да я представил, как Юля моя сейчас сидит и какой-нибудь подруге то же самое про меня рассказывает.

Леночка на секунду задумывается и тоже начинает хохотать.

— Неужели все матушки одинаковые, м?

— Не знаю... Может, есть где-то счастливые семьи. Мне хочется в это верить. Иначе ради чего все это? Венчание... Я не могу поверить, что всем плохо живется. Есть же идеальные семьи.

— А я не верю уже. Мне вот кажется - права тогда Катя была. Когда мне говорила, что жениться по любви надо. Ничего венчание не меняет. Конечно, это таинство. И Бог соединяет. Но Он любящие сердца соединять должен. А когда... Когда всех подряд венчаешь, то какой там Бог? Странные вещи я говорю. И думаю иногда странные вещи. Но эта мысль — что Катя права — не дает мне покоя.

— Катя, говоришь, права, — Роман Романович задумчиво чешет бороду, потом вспоминает, как сестра высмеивала бородку мужа, одергивает себя, — а я вот что думаю про это. Сама-то Катя, скажи мне, счастлива? Она сама замужем, живет в счастливом браке?

— Нет... Но у нее по крайней мере еще есть шанс.

— Шанс... На что?

— На то... Ну, на то, чтобы найти свою настоящую любовь.

— А у нас уже нет?

— Ну... Ну вот ты нашел Вику. Не знаю, конечно, была это любовь? Настоящая?

— Была, - Роман Романович уверенно кивает.

— Ну вот. И что? А ты уже был в браке.

— И это же мне не помешало. Любовь не имеет никакого отношения к браку, понимаешь?

— Ну, как не имеет? Ведь пришлось же расстаться... - неожиданно Леночка осекается и, открыв рот, смотрит на брата. - Ах ты ж хитрый жук! Ты сейчас мне хочешь сказать... что...

— Что? – Роман Романович улыбается.

— Ты... И Вика... И? До сих пор?

— Не пойму, о чем ты, женщина. Давай лучше еще выпьем.

— Так, мы, конечно, выпьем. Но ты не увильнешь. Говори, давай!

— Я бы не хотел это афишировать. Ок?

В кухню возвращаются мама, Катя и Володя. Мама с Катей оживленно беседуют. Что-то про рассаду и цветы.

— Мы не договорили, я тебя еще достану, - цедит Леночка Роману Романовичу. Тот хитро улыбается, кивает и разливает всем водки.

Уже поздно вечером, Леночка с Катей ложатся спать вместе. В той самой комнате, как десять лет назад. Леночка лежит, разглядывает потолок, окна. Всё такое родное, но одновременно такое чужое. С одной стороны, возвращается детство, но с другой стороны они с Катей стали такими старыми.

— Кать, Катък, ты спишь? – бормочет Леночка. В ответ от Кати раздается отрицательное мычание.

— Катя. У меня вопрос. Скажи мне, помнишь наш разговор про счастье? Когда... Я тогда после него решила и замуж вышла. Помнишь? — Катя утвердительно мычит. — Ну вот я теперь лежу и думаю. Да что сейчас. Постоянно думаю. Я все думаю — ты была права тогда. А я оплошала.

Леночка замолкает, снова рассматривая потолок. А затем, будто что-то вспомнив, опять обращается к сестре:

— Катя, Каааать. Скажи мне, ты сама счастлива?

Но в ответ раздается лишь мирное сопение сестры. Под него Леночка и засыпает.

Глава 12. Возвращение

Катя проснулась от того, что чихнула. Лучик, пройдя через оконное стекло, щекотал нос. Солнце только-только поднималось на небо, но именно в этот период оказывалась на Катиной подушке. Как много-много лет назад.

По телу пробежали мурашки. Катя крепко прижалась к тёплой пуховой подушке, и вдруг стало легко-легко, стало очень светло. Вдруг, на несколько секунд она оказалась в своем детстве. Лето только началось, экзамены закончены, впереди целых три месяца каникул. И на утреннюю молитву еще рано вставать, можно понежиться. Но солнышко, предательское солнышко, заглядывает и начинает щекотаться. Попытка спрятаться под одеяло заканчивается лишь тем, что Катя потеет. Кроме того, с другой стороны одеяла вылезают пятки, которые солнце также щекочет. Но все равно, упёртая девочка пытается уснуть. Куда там! Вот за дверью уже ходит мама, что-то готовит на кухне. О! Кажется, это блинчики. Ароматные, любимые Катины блинчики. Значит, скоро молитва, потом завтрак. В животе урчит. А еще Леночка рядом сопит как слон. Совсем недавно она простыла и теперь — как последствие — у нее жутко заложен нос. Слава Богу, не похрапывает. А то было и такое. Тогда совсем кошмар.

Катя вылезает из-под одеяла и подставляет своё худящее, облаченное в льняную ночную сорочку подростковое тело. Жмурится и мотает головой по подушке. Та стала уже тёплой, что Кате не нравится, особенно ночью. Обычно она сразу же переворачивает подушку, ища прохладные уголки, чтобы прислониться к ним щекой. Но только не сейчас. Ей нравится, что подушка прогрелась, что она тёплая. Это придает ощущение уюта и спокойствия. Катя лежит с закрытыми глазами и пытается ощутить окружающую её комнату. Слышать, чувствовать кожей, нюхать, обнимать. Эту комнату, эту реальность, своё детство. Только всё изменилось. Они уже не дети.

Леночка сопит не потому что заболела, а потому что вчера перепила лишнего. И молитвы не будет. Потому что больше нет в живых отца.

Но иллюзия продолжается. С кухни раздаётся голос матери, который снова возвращает в детство:

— Завтрак готов! — кричит она. - Дети, пора вставать. Рома, Володя! Девочки!

Снова мурашки. Катя открывает глаза. Пора возвращаться в реальность.

— Катюнька... Доброе утро, — бурчит Леночка, — чем вчера вечер закончился? Я что-то смутно помню.

— Всё окей. Вы с Ромкой перепили лишнего. Православные поминки устроили, по канонам.

— Ой, только не начинай. И без тебя тошно, - Лена поднимается с кровати и уходит в туалет.

— О! — голос мамы с кухни. — Слышу, девочки проснулись! Мальчики, давайте, не отставайте. Блинчики готовы.

Катя тоже встает с кровати, одевается и двигается на кухню.

— Катенька! Господи, я все никак не могу привыкнуть, что ты тут, что ты рядом со мной, — мама обнимает дочку и усаживает за стол, - сейчас, сейчас кофе тебе сделаю. Кофе будешь? Или лучше чай?

— А есть мята? Я бы чай. С мятой. Как в детстве.

— Спрашиваешь! Сделаем, конечно! Как спалось?

Катя хочет ответить, что как в детстве. Безмятежно. Но не решается.

— Очень хорошо. Будто и не было этих десяти лет.

— Да... Будто и не было... - мама грустно кивает. — Знала бы ты, как мне без тебя было тяжело. Как я скучала.

Катя не знает. Но думает, что не так уж и сильно, раз ни разу даже не приехала в город. Хотя, понять деревенских жителей ей с каждым годом всё труднее. И, возможно, это еще в ней говорит детская обида, отголоски прошлого. Может быть, и правда мама сильно скучала. Просто не могла приехать.

Как ни странно, блинчики оказались безвкусными. Даже мятный чай показался каким-то пресным. Жевали в основном молча. Настя быстро перекусила и, извинившись, убежала в комнату. Роман Романович периодически нырял в свой телефон. Леночка отстраненно рассматривала деревья за окном, полностью уйдя в свои мысли.

— Я хочу на могилу к отцу сходить, - Катя нарушила тишину. На нее поднялись удивленные глаза. Секунду внимательно рассматривали, а затем опустились, как ни в чем не бывало.

— Хорошо, - мама кивнула, - да, это хорошо. Думаю, ты знаешь, где он лежит.

Конечно, Катя знала. Она быстро собралась, даже не накрасившись, и вышла из дома. Конечно, знала. Отец лежал на храмовом дворе, за Алтарем. Там были похоронены два предыдущих настоятеля, один еще до революции, второй в тридцать шестом. После этого храм пустовал. И вот, после долгого перерыва, земля при храме приняла нового настоятеля.

Суббота, утро, служба начнется только вечером, на территории храма пусто, хотя внутри горит свет. Скорее всего, сидят бабушки – уже новые бабушки, тётя Шура, наверно, уже умерла. Записывают за здоровье и упокой, продают свечи единичным заходянам. Но даже если там нет никого знакомого, в храм заходить не хочется. Слишком много воспоминаний. Достаточно будет отца. Катя обходит храм – вокруг растут цветы, огромные красивые клумбы, ухоженные, различные садовые игрушки – вот гномик улыбается беззубым ртом, а вот ёжик машет мастерком. Или тяпкой – непонятно. Это же садовый ёжик. К цветам и игрушкам явно приложила руку мама. Катя узнаёт её стиль. А вот за цветами и игрушками могилы. Три вместо привычных двух, как и предполагала Катя. Отцу поставили обычный деревянный крест, даже фотографии еще нет. Только имя и годы жизни. Вокруг свежей могилы лежат букеты цветов, пластмассовые венки: «От любящей семьи», «Дорогому нашим сердцам батюшке от прихожан». Индивидуальный венок от архиерея (так и написано: «Отцу Роману от Владыки»). Господи, как же это пошло.

Рядом с могилой стоит стульчик, видно прихожанки поставили, чтобы совместить приятное с полезным. И с батюшкой попрощаться и на ногах не стоять. Катя присаживается рядом, берет одну розочку и задумчиво крутит ее в руках.

— Ну вот... Вот я и пришла... — Катя не смотрит на могилу. На крест. Она смотрит куда-то в сторону города. В сторону железной дороги. - Ты знаешь, прошло же целых десять лет. И вот когда я... Когда я услышала от Лены, что ты умер. Я не помню, чтобы я расстроилась. Это ужасно, я уже несколько дней думаю об этом. Тогда, в первые

минуты, мне казалось это ужасным. Ведь ты же отец. Ты был, а потом тебя не стало. Но знаешь, что думаю я теперь? На самом деле я не расстроилась, потому что ты умер намного раньше. Даже не десять лет назад, когда я уехала из дома. Думаю, ты умер много, много раньше. И не только для меня. Знаешь, что страшно? Другие дети, они чувствуют то же, что я. Леночка, ты бы видел. Да что Леночка, Роман Романович – ведь он священник. Хотя бы из солидарности. Настя, она же еще ребенок. И я не вижу, чтобы хоть кто-то горевал. Они вроде бы поминали тебя. Но на самом деле поминки напомнили наши ежедневные молитвы. Какой-то никому не понятный, никому не нужный обряд. В который никто уже давно не верит.

Господи, в этой деревне, на этой приходе, в твоей семье – все друг другу постоянно врут, прикрываясь обрядами. Дети притворяются, что грустят, а на самом деле не грустят. Прихожане, скорее всего, рассказывают, как любили тебя, какой ты был замечательный батюшка. А потом идут в огород, удобрять помидоры. Для них твои похороны – очередная духовная церковная служба. Да что там о них. Ты. Вот что больше всего беспокоит меня. На самом деле и ты никогда никого не любил. Ты прикрылся своими обрядами, какими-то мнимыми обязательствами. И не любил ни свою жену, ни своих детей. Ни уж тем более своих прихожан.

Я всего десять лет не видела тебя, но на самом деле тебя не было в моей жизни намного дольше. Я могу вспомнить всего два случая в своей жизни, когда ты появился. И оба эти случая из далекого детства. Один раз, когда ты защитил меня от огромной собаки. Она покусала тебя, помнишь? Но ты бился за меня. Ты спас меня. И тогда мне показалось что ты – мой герой, настоящий, сильный. Лучший папа в мире. И второй раз, когда ты поцеловал меня в щечку. Один раз за всю жизнь, пап. Один раз за всю жизнь... Я до сих пор помню прикосновение твоих жестких усов к моей нежной детской коже. Это было так приятно... Тогда мне казалось, что все папы такие. Суровые, немногословные. Что так и должно быть. Разговаривать с папой можно только через маму, через посредников, потому что папа занят, потому что папе некогда. Потому что папа молится за весь мир, за всё человечество. Лишь теперь я понимаю – обращаться к тебе через посредников приходилось потому, что тебя на самом деле никогда и не было в моей жизни. Скорее всего, мама даже и не советовалась с тобой, когда принимала решения. Она просто принимала и все. Но при этом мы всегда притворялись, делали вид, что ты глава семьи и это что-то значит. А ничего, никогда и ничего это не значило.

Я ехала в электричке и размышляла – простила ли я тебя. Вроде бы на душе спокойно. Значит, простила? Но при этом будь ты живой, я бы никогда вот так откровенно не

поговорила бы с тобой. Получается, не простила? Я ломала голову, пыталась разобраться в своих чувствах. А теперь, увидев семью, увидев маму, я всё поняла. Они все испытывают те же самые чувства. На самом деле тебя просто нет. Нет, и нет. А как можно простить или обижаться на выдуманного персонажа?

— Катя? Катя, это ты?

Девушка вздрогнула и обернулась. За её спиной стояла старенькая женщина, в чёрном платке, лица почти не видно, тело согнутое, руки перебирают четки. Но голос знакомый. И лицо. Кто-то из прихожан? Скорее всего.

— Да. Добрый день, — Катя поднялась со стула, предлагая бабушке сесть, но та осталась стоять.

— Ты... Точно, это же ты. Вот это да... Вот это ты выросла. Стала такой... Взрослой. А ты меня, наверное, не помнишь, — бабушка хитро улыбнулась.

— Нет... Не помню, простите.

— Еще бы... У тебя жизнь там. В городе. А мы тут догниваем... Я Екатерина Валерьевна. Мама Вити. Витю-то помнишь?

Глаза Кати расширились. Она кивнула. Только сейчас она поняла, что перед ней вовсе и не бабушка, а достаточно молодая, лет пятидесяти, женщина. Ощущение, что перед ней старуха, создавал платок и неряшливая одежда.

— Конечно... Екатерина Валерьевна, простите. Что не узнала. Конечно же!

Мама Витька. Вот кто был перед ней. Очень неожиданно было увидеть её в храме. Тогда, десять лет назад, это была красивая, молодая женщина. Катя не часто бывала у Витьки дома, но каждый раз у Екатерины Валерьевны был новый мужчина. Молодая, симпатичная, она всё пыталась построить своё счастье. Но чтобы в Церковь... Даже Витёк несколько раз приходил в храм, один раз исповедовался. Мама его только иронично подшучивала над Катей и её семьей. Скорее всего, Витёк набрался своих шуточек именно от нее.

— Ничего... Мы с тобой не так уж хорошо были знакомы. А я тебя узнала, потому что думала о тебе. Ты не приехала на похороны. И вот я всё думала: как так... Неужели даже не простится. А вот ты тут. Приехала.

Катя не знала, что ответить. Поэтому решила сменить тему.

— А как Витька?

Екатерина Валерьевна вздрогнула. Глаза сверкнули.

— А ты не знаешь? Он умер. Давно уже. Пьяный на мотоцикле разбился. Неужели ты даже не пыталась найти его? В тех же соцсетях? Неужели ты вот такая вот... Он любил тебя. Да-да, ты хорошо знала об этом. Он спас тебя тогда, на озере. Он помог тебе сбежать. Он как собачка за тобой бегал. А ты просто забыла. О, я понимаю, искушения все эти. Город, новая жизнь. Зачем тебе мы? Зачем тебе эта гнилая жизнь?

— Екатерина Валерьевна... Мне очень жаль. Я правда не знала...

— Сука ты, — женщина повысила голос, — обычная с-с-сучка. Жаль ей. Уехала на свои бл..ки. Хотя бы не ври мне. Отца приехала проводить? Отца, значит, провожаешь? А ты думала, что если бы ты не сбежала тогда, не сбежала как маленькая избалованная тварь, он бы еще был жив? Ты не думала, что могла бы вытащить его? Ты знаешь, какой он был человек? Отец твой? Сколько души в нем? Только он, только его исповеди меня спасли тогда. А ты, небось, сидишь и ненавидишь его, думаешь, что он тебе жизнь испортил, да? Потому что ты сука. Убила отца. Бросила, предала. И Витю...

Голос Екатерины Валерьевны дёрнулся.

— И Витю бросила. И Витю убила. Мразь. Трусливая мразь. Если бы ты была тогда рядом, если бы у вас сложилась семья. Он был бы еще живой. Он пил, потому что ты, мразь, его бросила.

Катя оттолкнула женщину и выбежала за ограду храма. Её тело сотрясалось от рыданий. Она добежала до дома, наспех утёрла слёзы, поправила волосы и зашла в дом. То, что она плакала после прощания с отцом, никого не удивило.

— Mam, прости меня, мне позвонили. Срочно на работу надо. Прости.

— Ну что ты! Надо так надо. Теперь-то мы точно будем вместе.

— Конечно, я обязательно приеду к тебе, люблю тебя, - девушка обняла маму и снова расплакалась. Та плакала в ответ.

Спустя сорок минут Катя уже стояла в тамбуре отходящей электрички и смотрела на убегающую деревню. Как десять лет назад. Но на этот раз она не плакала.